

Одри Ниффенеггер

Жена
путешественника
во
ВРЕМЕНИ

Одри Ниффенеггер

**Жена путешественника
во времени**

«Азбука-Аттикус»

2003

Ниффенеггер О.

Жена путешественника во времени / О. Ниффенеггер —
«Азбука-Аттикус», 2003

Они познакомились, когда ей было шесть, а ему тридцать шесть. Они поженились, когда ей было двадцать три, а ему тридцать один. Потому что Генри страдает редким генетическим заболеванием – синдромом перемещения во времени; его исчезновения из жизни Клэр непредсказуемы, появления – комичны, травматичны и трагичны одновременно. Эта невероятная история невероятной любви стала, пожалуй, самым поразительным международным бестселлером нового века. Права на экранизацию книги были куплены Брэдом Питтом и Дженнифер Энистон (звезда телесериала «Друзья») еще до публикации самой книги; постановщиком фильма предполагался Гас ван Сент, но в итоге им выступил Роберт Швентке, главные роли исполнили Эрик Бана и Рейчел Макадамс.

© Ниффенеггер О., 2003

© Азбука-Аттикус, 2003

Содержание

Пролог	6
I. Человек вне времени	8
Первое свидание, часть первая	8
26 октября 1991 года, суббота	8
Позже вечером	10
Следующее утро	17
Самый первый раз	20
16 июня 1968 года, воскресенье	20
2 января 1988 года, суббота, 4:03 утра / 16 июня, 1968 года, воскресенье, 10:46 вечера	22
Первое свидание, часть вторая	27
23 сентября 1977 года, пятница	27
9 февраля 2000 года, среда	31
29 сентября 1977 года, четверг	31
Уроки выживания	35
7 июня 1973 года, четверг	35
10 декабря 1978 года, воскресенье	38
17 ноября 1982 года, среда / 28 сентября 1982 года, вторник	41
14 мая 1983 года, воскресенье	42
12 апреля 1984 года, четверг	43
27 июня 1984 года, среда	48
23 сентября 1984 года, воскресенье	48
После конца	53
27 октября 1984 года, суббота	53
2 февраля 1987 года, понедельник	53
5 июня 1987 года, пятница	55
27 сентября 1987 года, воскресенье	60
28 сентября 1987 года, понедельник	65
12 июля 1995 года, среда	66
11 сентября 1988 года, воскресенье	67
13 января 2000 года, четверг	68
Канун Рождества, часть первая	70
24 декабря 1988 года, суббота	70
Канун Рождества, часть вторая	74
24 декабря 1988 года, суббота	74
8 апреля 1989 года, суббота	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Одри Ниффенеггер

Жена путешественника во времени

Audrey Niff enegger
THE TIME TRAVELER'S WIFE
Copyright © 2003 by Audrey Niff enegger
All rights reserved

* * *

*Время на часах – наш банковский управляющий, сборщик налогов, полицейский инспектор; наше внутреннее время – наша жена.
Дж. Б. Пристли. Человек и время*

Любовь после любви

*Настанет день,
когда, увидев свое отражение в зеркале,
ты улыбнешься себе.
Настанет день,
когда твое сердце забьется чаще
при звуке твоих шагов
у твоего порога.
Пригласи себя в дом.
Угости себя вином. Протяни себе хлеб.
Верни себе сердце.
Прими вновь себя – этого знакомого
незнакомца,
преданного тебе,
любившего тебя всю твою жизнь,
уставшего от твоего равнодушия.
Убери с полки чужие портреты,
любовные письма, отчаянные стихи...
Сядь за стол. Пируй и празднуй.
Празднуй себя. Празднуй свою жизнь.*

Дерек Уолкотт¹

*Посвящается
ЭЛИЗАБЕТ ХИЛЛМАН ТАМАНДЛ
20 мая 1915 – 18 декабря 1986
и
НОРБЕРТУ ЧАРЛЬЗУ ТАМАНДЛУ
11 февраля 1915 – 23 мая 1957*

¹ Перевод О. Захаровой. (Здесь и далее примеч. ред.)

Пролог

КЛЭР: Трудно оставаться одной. Я жду Генри, не зная, где он, надеясь, что с ним все в порядке. Трудно быть тем, кто остается.

Стараюсь находить себе занятия. Так время проходит быстрее.

Иду спать в одиночестве и просыпаюсь тоже одна. Хожу на прогулки. Работаю, пока не выложусь вся. Смотрю, как ветер играет мусором, всю зиму пролежавшим под снегом. Все так просто, пока не задумаешься как следует. Почему разлука усиливает любовь?

Давным-давно мужчины уходили в море, а женщины ждали их, стоя у воды и вглядываясь в горизонт в поисках крошечного кораблика. Теперь я жду Генри. Он исчезает, сам того не желая, без предупреждения. Я жду его. Каждая секунда ожидания кажется мне годом, вечностью. Каждая секунда тянется медленно, прозрачная как стекло. Сквозь каждую секунду вижу бесконечные, вытянутые в прямую линию моменты, это моменты ожидания. Почему он ушел, а я не могу пойти следом?

ГЕНРИ: Как это бывает? *Как это бывает?*

Иногда кажется, что просто на мгновение отвлекся. Потом, без предупреждения, понимаешь, что книга, которую ты держал, красная хлопчатобумажная рубашка в клетку с белыми пуговицами, любимые черные джинсы и бордовые носки, протертые почти до дыры на одной пятке, гостиная, уже почти закипающий чайник в кухне – все это исчезло. Ты стоишь, голый как дурак, по щиколотку в ледяной воде, в канаве у незнакомой сельской дороги. Минутку переживаешь в надежде, что, может, провалишься обратно к своей книге, в свою квартиру *et cetera*. Где-то через пять минут, ругаясь на чем свет стоит, дрожа и мучительно надеясь просто исчезнуть, выбираешься из канавы и бредешь сам не зная куда, и дорога в конце концов приводит к фермерскому дому, где у тебя есть шанс стащить что-то или придумать объяснение. Кража – прямая дорога в тюрьму, а объяснения ужасно утомительны и занимают много времени, нужно много врать, а в результате зачастую тебя сдают в ту же тюрьму, поэтому ну бы их к черту!

Иногда кажется, что ты слишком резко поднялся, даже если на самом деле лежишь полусонный в кровати. Кровь резко приливает к голове, появляются головокружение и ощущение падения. Начинает покалывать руки и ноги, а потом они просто исчезают. Ты снова попал не туда. Это длится какую-то секунду, и у тебя есть крошечная надежда удержаться там, где ты есть, ты барахтаешься (иногда нанося ущерб себе или ценным вещам), а потом скользишь по застланному девственно-зеленым ковром коридору мотеля № 6 в Афинах, Огайо, в 4:15 утра, 6 августа 1981 года, в понедельник, и ударяешься головой в чью-то дверь, в результате чего постоялец, скажем мисс Тина Шульман из Филадельфии, открывает дверь и начинает визжать, потому что у ее ног валяется голый мужик с ободранным о ковер боком. Ты просыпаешься в местной больнице, оттого что у дверей твоей палаты сидит полицейский и слушает по дребезжащему радиоприемнику игру «Филиз». Повезет, если провалишься опять в обморок, и проснешься спустя несколько часов в собственной кровати, и увидишь, что над тобой склонилось обеспокоенное лицо жены.

Иногда кажется, что впадаешь в эйфорию. Все вокруг такое возвышенное, окруженное аурой. Внезапно чувствуешь приступ тошноты и исчезаешь. Тебя тошнит на какие-то полевые цветочки, или на теннисные туфли твоего отца, или на пол в собственной ванной комнате тремя днями позже, или на деревянный тротуар в Оук-Парке, штат Иллинойс, году эдак в 1903-м, или на теннисный корт прекрасным осенним деньком в начале пятидесятых, или на собственные голые ноги где угодно и когда угодно.

Как это бывает?

Это совсем как в одном из снов, когда внезапно понимаешь, что нужно сдать экзамен, к которому не готов, и на тебе в придачу нет никакой одежды. Да еще и бумажник остался дома.

Когда я где-то там, во времени, я другой, я превращаюсь в отчаянное подобие самого себя. Я становлюсь вором, бродягой, животным, которое бежит и постоянно скрывается. Пугаю старушек и привожу в ужас детей. Я – игра света, иллюзия высшего порядка, просто невероятно представить себе, что это я.

Есть ли логика во всех этих перемещениях, есть ли правило, по которому я ухожу и прихожу? Можно ли задержаться во времени, уцепиться каждой клеточкой тела за настоящий момент? Не знаю. Но что-то точно есть, как у каждой болезни есть свои симптомы, варианты развития. Изнеможение, громкие звуки, стресс, резкие движения, резкий свет – любое из этого может спровоцировать перемещение. Но: вот я читаю воскресную «Таймс», в руке чашка кофе, рядом в нашей постели дремлет Клэр – и внезапно я оказываюсь в 1976 году и наблюдаю, как я, тринадцатилетний, стрижу газон у дома своих родителей. Иногда это длится какое-то мгновение, словно прерывается передача по радио, потому что пропал сигнал. Я вдруг оказываюсь в толпе людей. С таким же успехом я могу оказаться один, в поле, в доме, в машине, на пляже, в школе посреди ночи. Я боюсь оказаться в тюремной камере, в битком набитом лифте, посреди магистрали. Я появляюсь ниоткуда и голый. Как это объяснить? Я никогда не мог ничего с собой протащить. Ни одежду, ни деньги, ни документы. В основном, попадая в незнакомые места, я пытаюсь раздобыть одежду и спрятаться. Слава богу, я не ношу очков.

Какая горькая ирония! Я люблю чисто домашние удовольствия: удобное кресло, степенные увеселения семейного уюта. Единственное, чего я прошу, – это невинных радостей. Захватывающая книга перед сном, запах только что вымытых длинных рыжих волос Клэр, открытка от друга, уехавшего в отпуск, капля сливок в кофе, мягкая кожа под грудью Клэр, пакеты с покупками, симметрично выстроившиеся на кухонной стойке в ожидании, когда их распакуют. Я люблю, слегка касаясь корешков книг, без цели бродить вдоль стеллажей в библиотеке, после того как начальство уйдет домой. Именно этого мне не хватает, когда время властной рукой уносит меня прочь.

И Клэр, конечно, мне не хватает Клэр. Утренней Клэр, сонной, со следами от подушки на лице. Клэр, опустившей руки в бак, где готовится бумага, когда она поднимает его и трясет так и этак, чтобы получилась однородная масса. Читающей Клэр, когда ее волосы свисают со спинки стула, и Клэр, втирающей бальзам в посеченные волосы перед сном. И низкого голоса Клэр рядом со мной.

Ненавижу быть там, где ее нет, когда ее нет. И все же я каждый раз ухожу, а она не может пойти за мной.

I. Человек вне времени

*...Ведь не ради же счастья –
Предвкушения раннего близкой утраты...
<...>
Нет, потому, что здешнее важно, и в нас
Как будто нуждается здешнее, эта ущербность,
Не чужая и нам, нам, самым ущербным. Однажды.
Все только однажды. Однажды и больше ни разу.
Мы тоже однажды. Но это
Однажды, пускай хотя бы однажды,
Пока мы земные, наверное, неотвратимо.
<...>
Что с собою возьмешь? Не возьмешь созерцанье,
Исподволь здесь обретенное, и никакие события.
Значит, здешние муки и здешнюю тяжесть,
Здешний длительный опыт любви...
Сплошь несказанное. Позже, однако,
Среди звезд каково: еще несказаннее звезды.*

*Райнер Мария Рильке.
Из «Девятой Дуинской элегии»²*

Первое свидание, часть первая

**26 октября 1991 года, суббота
(Генри 28, Клэр 20)**

КЛЭР: В лаборатории прохладно и пахнет средством для чистки ковров, хотя, куда ни взглянешь, везде один мрамор. Я заполняю карточку посетителя: «Клэр Эбшир, 11:15, 26/10/1991, отдел редких книг». Я никогда раньше не была в библиотеке Ньюберри и теперь, войдя в темное, мрачное здание, ужасно волнуюсь. Мне кажется, что библиотека – это огромная коробка, полная прекрасных книг, настоящий рождественский подарок. В лифте царит полумрак, шума почти не слышно. Выхожу на третьем этаже, заполняю заявку на пропуск, потом иду наверх в отдел редких книг. Каблуки стучат по деревянному полу. В комнате тихо, хотя довольнолюдно. Рядами стоят солидные, тяжелые столы, заваленные книгами; вокруг них толпятся читатели. Через высокие окна проникает осеннее чикагское утро. Подхожу к столу, беру несколько заявок. Я пишу работу по истории искусств. Тема моего исследования – «Келмскотт-Пресс»³, Чосер. Мне нужен сам текст, и я заполняю на него заявку. Но еще мне хочется почитать об изготовлении бумаги в Келмскотте. Ничего в этом каталоге не понимаю. Иду обратно к столу и прошу женщину помочь мне. Начинаю объяснять, что мне нужно, она бросает взгляд мне за спину и обращается к кому-то:

– Возможно, мистер Детамбль сможет помочь вам.

² Перевод В. Микушевича.

³ Издательство, основанное в 1891 г. в Келмскотте под Оксфордом выдающимся писателем, поэтом, художником и дизайнером Уильямом Моррисом (1834–1896), близким к прерафаэлитам.

Я оборачиваюсь, готовясь объяснить все сначала, и оказываюсь лицом к лицу с Генри.

У меня нет слов. Это Генри, спокойный, в одежде, моложе, чем я его когда-либо видела. Генри работает в библиотеке Ньюберри, и он стоит напротив меня, сейчас, в настоящем. Здесь и сейчас. Это просто невероятно. Он терпеливо смотрит на меня, вежливо, но неуверенно.

– Я могу вам чем-то помочь? – спрашивает он.

– Генри!

Я едва сдерживаюсь, чтобы не кинуться ему на шею. Ясно вижу, что он понятия не имеет, кто я такая.

– Мы встречались? Извините, но я не...

Генри бросает взгляд по сторонам, он беспокоится, что мы привлекаем внимание читателей, коллег, и роется в памяти, пытаясь осознать, что, наверное, в будущем он встречал эту невероятно счастливую девушку, которая сейчас стоит напротив него. В последнюю нашу встречу мы занимались любовью в долине.

Я пытаюсь объяснить:

– Я Клэр Эбшир. Я знала тебя, когда была маленькой девочкой...

Я растеряна, потому что люблю человека, который стоит сейчас передо мной и ничего обо мне не помнит.

Для него это все в будущем. Мне хочется смеяться, настолько все нелепо. Я переполнена годами общения с Генри, а он смотрит на меня в замешательстве и страхе. Генри, одетый в старые рыбацкие штаны моего отца, терпеливо проверяющий у меня таблицу умножения, французские глаголы и названия столиц штатов; Генри, смеющийся при виде особо причудливого обеда, который я, семилетняя девчонка, принесла ему в долину; Генри, одетый в смокинг, трясущимися руками пытающийся расстегнуть запонки в день моего восемнадцатилетия. Он здесь! Сейчас!

– Давай встретимся, кофе выпьем или пообедаем, пожалуйста...

Конечно, он не может не согласиться, ведь это Генри, который меня любит в прошлом и будущем, и конечно, он должен любить меня сейчас, в этом смутном отголоске какого-то другого времени. Он соглашается, я в восторге. Мы договариваемся встретиться вечером в тайском ресторане, и все это на глазах у изумленной женщины, его коллеги. Я ухожу, забыв про Келмскотт и про Чосера, лечу вниз по мраморным ступеням, через вестибюль, на улицу, под октябрьское чикагское солнце, бегу через парк, распугивая собак и белок. И кричу от радости и восторга.

ГЕНРИ: Обычный октябрьский день, солнечный и морозный. Я на работе: маленькая комнатка с регулятором уровня влажности и без окон на четвертом этаже в Ньюберри. Я разбираю каталог документов на крапчатых страницах, недавно полученных библиотекой в дар. Листки очень красивые, но раскладывать их такая скука, и мне тошно и жалко себя. И вообще, я чувствую себя старым, как только двадцативосьмилетний мужчина может чувствовать себя после бессонной ночи, водки по нечеловечески высокой цене и попыток, впрочем безрезультатных, снова завоевать доброе расположение Ингрид Кармайкл. Мы целый вечер ругались, и теперь я даже не могу вспомнить, по какому поводу. В голове тяжело стучит кровь. Нужно выпить кофе. Оставляю документы в состоянии творческого беспорядка и иду через читальный зал, мимо стола для заявок. Меня останавливает Изабель:

– Возможно, мистер Детамбль сможет помочь вам.

Ей явно хочется сказать: «Генри, проныра ты этакий, куда это ты намылился?» Потрясающе красивая стройная рыжеволосая девушка поворачивается и смотрит на меня, как будто я – Иисус во плоти. У меня все внутри сжимается. Очевидно, она меня знает, но я ее не помню. Один бог знает, что я сказал, сделал или пообещал этому сияющему от счастья созданию. Мне ничего не остается, как только самым библиотекарским тоном осведомиться:

– Я могу вам чем-то помочь?

– Генри! – сдавленно выдыхает девушка, и я немедленно понимаю, что когда-то между нами было что-то *потрясающее*. Час от часу не легче, ведь я ничего не знаю о ней, даже имени.

– Мы встречались? – спрашиваю я.

Изабель смотрит на меня, в ее взгляде я читаю одно слово: «Придурок».

– Я Клэр Эбшир, – отвечает девушка. – Я знала тебя, когда была маленькой девочкой...

Она приглашает меня на обед. Окончательно обалдев, я принимаю приглашение. Она глаз от меня не отводит, хотя я небрит, с похмелья и вообще не в лучшей форме. Мы собираемся встретиться вечером в «Бью Тай», и Клэр, убедившись, что я никуда от нее не денусь, убегает из читального зала. Я еду в лифте, все еще не придя в себя, и постепенно до меня доходит, что выигранный лотерейный билет, брошенный мною в будущем, каким-то образом нашел меня в настоящем. Мне становится смешно. Я прохожу через вестибюль и, спускаясь по ступеням на улицу, вижу, как Клэр бежит через парк Вашингтона, подпрыгивая и крича от радости, и я чуть не плачу, сам не знаю почему.

Позже вечером

ГЕНРИ: Шесть вечера. Лечу домой с работы и пытаюсь придать себе нормальный вид. Сейчас я живу в крошечной, но безумно дорогой мастерской на Норт-Диаборн, постоянно наткаясь на неудобные стены, замысловатые выступы и мебель. Шаг первый: отпираю семнадцать замков на входной двери, втискиваюсь в гостиную (она же – спальня) и начинаю стягивать с себя одежду. Шаг второй: душ и бритье. Шаг третий: бессмысленно таращусь в недра гардероба, постепенно понимая, что совсем чистых вещей у меня нет. Нахожу одну белую рубашку в сумке, которую принес из химчистки. Решаю надеть черный костюм, рубашку и бледно-голубой галстук. Шаг четвертый: надеваю все это и понимаю, что похож на агента ФБР. Шаг пятый: оглядываюсь и вижу, что в комнате бардак страшный. Решаю Клэр сегодня в свою берлогу не приводить, даже если дело к этому пойдет. Шаг шестой: смотрю в большое зеркало в ванной и вижу десятилетнего костлявого высокого Эгона Шиле⁴ с бешеным взглядом, в чистой рубашке и костюме, как у директора похоронного агентства. Размышляю, в какой, интересно, одежде эта женщина видела меня раньше, поскольку я из своего будущего в ее прошлое приходил явно не в своей одежде. Кажется, она сказала, что была тогда маленькой девочкой? В моей голове проносится целый вихрь вопросов без ответов. Останавливаюсь и на секунду перевожу дыхание. Все в порядке. Хватаю бумажник и ключи и стартую: запираю тридцать семь замков, спускаюсь в капризном маленьком лифте, в холле покупаю розы для Клэр. Теперь в рекордном темпе пробегаю два квартала до ресторана, но все-таки на пять минут опаздываю. Клэр уже сидит за столиком и, увидев меня, облегченно переводит дух. И машет мне рукой, как на параде.

– Привет, – говорю я.

На Клэр бархатное платье цвета бордо и жемчуг. Она словно сошла с полотна Боттичелли, задержавшись по пути у Джона Грэма⁵: большие серые глаза, длинный нос, крошечный нежный ротик, как у гейши. У нее длинные рыжие волосы, спадающие на плечи и достающие до середины спины. Клэр такая бледная, что при свечах похожа на восковую фигуру. Я вытягиваю перед собой руку с букетом:

– Это тебе.

⁴ Эгон Шиле (1890–1918) – австрийский художник-экспрессионист.

⁵ Джон Грэм (Иван Домбровский, 1886–1961) – американский художник русского происхождения, авангардист и примитивист.

– Спасибо, – отвечает Клэр, выглядя нелепо счастливой. В ответ на мой недоуменный взгляд она поясняет: – Ты мне никогда цветов не дарил.

Проскальзываю за столик напротив нее. Я зачарован. Эта женщина меня *знает*; это не просто случайная знакомая из моих будущих мытарств. Появляется официантка и дает нам меню.

– Расскажи, – требую я.

– О чем?

– Обо всем. Ну, в смысле, почему я тебя не знаю? Мне ужасно жаль, что...

– Да что ты, не стоит. Ну, я знаю... почему это так. – Клэр понижает голос. – Это потому, что с тобой этого никогда не случилось, а со мной это было, то есть я тебя знаю уже давно.

– Насколько давно?

– Около четырнадцати лет. Я тебя первый раз увидела, когда мне было шесть.

– Господи! Ты меня часто видела? Или всего несколько раз?

– Последний раз, когда я тебя видела, ты велел мне принести это на ужин, когда мы встретимся снова. – Клэр показывает мне бледно-голубой девчачий дневник. – Так что вот... – Она протягивает мне дневник. – Держи.

Открываю его на странице, заложенной газетным обрывком. Страница, в правом верхнем углу которой притаились два кокер-спаниеля, размечена датами. Начинается все 23 сентября 1977 года и заканчивается через шесть маленьких голубых страниц со щенками 24 мая 1989 года. Там сто пятьдесят две даты, которые с величайшим старанием синими чернилами, по всем правилам, вывела детская ручонка.

– Это ты составила список? Тут все правильно?

– Если честно, это продиктовал мне ты. Несколько лет назад ты сказал, что выучил эти даты наизусть. Поэтому не знаю, все ли здесь совпадает с действительностью; ну, это кажется чем-то вроде ленты Мёбиуса. Но все точно. С помощью списка я узнавала, когда приходит в долину, чтобы тебя встретить.

Появляется официантка, и мы делаем заказ: суп из кокосового молока для меня и блюдо с острым чили для Клэр. Официантка приносит чай, я разливаю его по чашкам.

– Что такое «долина»? – Я чуть не подпрыгиваю от возбуждения.

Я никогда никого не встречал из своего будущего, особенно творение Боттичелли, которое виделось со мной сто пятьдесят два раза.

– Долина – это часть участка моих родителей в Мичигане. Там с одной стороны леса, а с другой – дом. Где-то в середине есть поляна примерно десяти футов в диаметре, а на ней – большой камень, и если ты на поляне, то из дома тебя не видно, потому что там пригорок, а поляна внизу. Раньше я там играла, потому что любила бывать одна, и думала, что никто не знает, что я там. Однажды – я была тогда в первом классе – я пришла домой после школы и пошла на поляну, а там был ты.

– Ага, абсолютно голый, чего доброго, меня еще и тошнило.

– Если честно, ты казался вполне спокойным. Я помню, что ты назвал меня по имени, и еще помню, что ты очень эффектно исчез. Теперь я точно знаю, что ты там бывал и раньше. Думаю, впервые это случилось в восемьдесят первом году; мне было десять. Ты таранился на меня и повторял: «Господи!» А еще тебя, казалось, ужасно беспокоило, что ты голый, но я постепенно совсем привыкла, что этот взрослый голый дядька необыкновенным образом появляется из будущего и требует одежду, – тут Клэр улыбается, – и еще еду.

– Что смешного?

– Долгие годы я тебе готовила абсолютно дикие блюда. Сэндвичи с арахисовым маслом и анчоусами. Паштет и свеклу на крекерах «Ритц». Думаю, с одной стороны, я хотела увидеть, изобрету ли что-нибудь, от чего ты откажешься, а с другой – старалась произвести на тебя впечатление своими кулинарными талантами.

– Сколько мне было лет?

– Думаю, самое старшее, что я видела, – сорок с чем-то. Не уверена насчет самого молодого – может, около тридцати? А тебе сейчас сколько?

– Двадцать восемь.

– Ты мне сейчас кажешься таким молодым. Последние несколько лет я видела тебя примерно сорокалетним, и казалось, что жизнь у тебя не сахар... Трудно сказать. Когда ты маленькая, все взрослые кажутся такими большими и старыми.

– И что мы делали? Там, в долине? Я так понимаю, мы там много времени проводили.

– Мы много чего делали, – улыбается Клэр. – Все зависело от моего возраста и от погоды. Ты мне часто помогал с домашними заданиями. Мы играли. А чаще всего просто болтали обо всем. Когда я была совсем маленькая, я думала, что ты ангел; я задавала тебе много вопросов о Боге. Когда я стала подростком, то пыталась тебя соблазнить, а ты не поддавался, и поэтому, конечно, мне тебя хотелось еще сильнее. Думаю, ты опасался, что сексуально к себе привяжешь, что ли. В какой-то степени ты был таким по-отцовски заботливым.

– Ух ты! Может, это было благородно с моей стороны, но сейчас мне не очень хочется быть заботливым папочкой.

Наши взгляды встречаются. Мы оба загадочно улыбаемся: еще бы, у нас общая тайна.

– А как же зимой? Зимы в Мичигане не сахар.

– Я тебя украдкой в дом приводила, в подвал; в доме был большой подвал, там было нескольких комнат и такой чулан с топкой в углу. Мы называли его читальным залом, потому что там складывали все старые журналы и ненужные книги. Как-то раз была пурга, и никто в школу не ходил, и на работу тоже, и я думала, что с ума сойду, пока достану тебе поесть, потому что в доме почти ничего не осталось. Этта как раз собиралась за продуктами ехать, когда разразился буран. И ты целых три дня читал старые «Ридерз дайджест» и жил на сардинах и лапше из пакетиков.

– Острые блюда. Интересно будет попробовать.

Нам приносят заказ.

– Ты когда-нибудь училась готовить?

– Нет, не скажу, что я умею готовить. Нелли и Этта всегда злились, когда я начинала возиться на кухне. Единственное, что мне разрешалось, – это колы себе налить. А с тех пор как я переехала в Чикаго, готовить мне не для кого, так что нет стимула экспериментировать. Обычно я слишком занята в колледже, и вообще, поэтому я ем здесь.

Клэр откусывает кусок чего-то, политого карри:

– Здесь здорово.

– Кто это – Этта и Нелли?

– Нелли – наш повар, – улыбается Клэр. – Нелли – это как *cordon bleu* из Детройта; она как Арета Франклин, если бы та играла Джулию Чайлд⁶. Этта – наша экономка и главная во всех делах. Она нам почти как *мама*; ну, в смысле, моя мама... ну, в общем, Этта просто всегда рядом, она немка и очень строгая, но ужасно уютная, а моя мама как бы витает в облаках, понимаешь?

Я киваю, пытаюсь проглотить суп.

– Да, и еще Питер, – добавляет Клэр. – Питер – наш садовник.

– Ух ты! У вас слуги есть. Ты, видимо, другого поля ягода, нежели я. А... я когда-нибудь с твоими домашними знакомился?

⁶ «Голубая лента» (*фр.*), т. е. первоклассный повар. Арета Франклин (р. 1942) – певица, «королева соула». Джулия Чайлд (1912–2004) – знаменитый американский кулинар, апологет французской кухни.

– Ты виделся с бабушкой Миагрэм прямо перед ее смертью. Я только ей про тебя и рассказывала. К тому времени она почти совсем ослепла. Она знала, что мы собираемся пожениться, и хотела, чтобы я вас познакомила.

Я перестаю жевать и смотрю на Клэр. Она смотрит в ответ безмятежно, ангельски спокойно, как будто все так и должно быть.

– Мы собираемся пожениться?

– Думаю, да, – отвечает она. – Ты мне об этом годы напролет твердил: мол, там, откуда ты приходишь, мы с тобой женаты.

Это перебор. Это слишком. Я закрываю глаза и понимаю, что в голове у меня абсолютно пусто; единственное желание – не разнервничаться и не потерять связи с настоящим.

– Генри? Генри, ты в порядке?

Я чувствую, как Клэр скользнула на диванчик рядом со мной. Открываю глаза, она твердой ладонью сжимает мою руку. Я беру ее ладонь и вижу, что это рука труженицы, грубая и загорелая.

– Генри, извини, я просто не могу привыкнуть к этому. Все совсем наоборот. Ну, всю жизнь именно ты знал обо всем, и я сегодня немного забылась... забыла, что не нужно торопиться. – Она улыбается. – Вообще-то, чуть ли не последние слова, которые ты сказал мне уходя, были: «Клэр, пощади». Ты сказал это как бы в кавычках, и, думаю, ты цитировал меня.

Она не отпускает мои руки, страстно глядя на меня; в ее глазах такая любовь. Я ужасно стесняюсь.

– Клэр?

– Да?

– Давай притормозим, а? Давай притворимся, что у нас нормальное первое свидание нормальных людей?

– Хорошо. – Клэр поднимается и идет на свое место напротив меня. Она садится, выпрямив спину, и старается не улыбаться.

– Хм, хорошо. Э-э... Да, Клэр, расскажи мне о себе. Хобби? Домашние животные? Необычные сексуальные склонности?

– Сам выясняй.

– Хорошо. Посмотрим... Твой колледж отсюда далеко? Где ты учишься?

– В колледже при Институте искусств. Занимаюсь скульптурой и только что начала изучать изготовление бумаги.

– Здорово. А над чем ты работаешь?

Кажется, Клэр впервые за вечер смутилась:

– Ну, она такая... большая и про... про птиц.

Она смотрит в стол, делает глоток чая.

– Птиц?

– Ну, на самом деле это... про желание.

Она по-прежнему на меня не смотрит, и я меняю тему:

– Расскажи мне про свою семью.

– Хорошо. – Она улыбается, расслабившись. – Ну... моя семья живет в Мичигане, недалеко от небольшого городка, на озере Саут-Хейвен. Это за городом. Изначально дом принадлежал родителям моей матери, моим дедушке и бабушке Миагрэм. Дед умер до моего рождения, а бабушка жила с нами до самой смерти. Мне было семнадцать, когда она умерла. Мой дедушка был юристом, и папа мой тоже юрист; папа встретил маму, когда пришел на работу в фирму ее отца.

– В общем, он женился на дочке босса.

– Ага. На самом деле иногда мне кажется, что он женился на доме босса. Мама была единственным ребенком в семье, ну а дом... дом просто потрясающий; его фотографии есть во многих книгах по искусству и архитектуре.

– А как он называется? Кто его построил?

– Называется он Медоуларк-хаус⁷, а построил его Питер Уинс в тысяча восемьсот девяносто шестом году.

– Ух ты! Я видел его на фотографиях. Его построили для кого-то из Хендерсонов, да?

– Да. Это был свадебный подарок для Мэри Хендерсон и Дитера Баскомба. Они развелись через два года после того, как въехали в дом, ну и продали его.

– Шикарный дом.

– Моя семья сама шикарная. А еще они ужасно по этому поводу загоняются.

– А братья и сестры у тебя есть?

– Марку двадцать два, он заканчивает Гарвардскую юридическую школу. Алисии семнадцать, она старшеклассница в средней школе. Она виолончелистка.

(Я отмечаю привязанность к сестре и определенное равнодушие к брату.)

– Ты со своим братом не очень ладишь?

– Марк такой же, как отец. Они оба любят побеждать, говорить свысока, давить, пока не подчинишься.

– Знаешь, я всегда завидовал людям, у которых есть братья и сестры, даже если у них не самые теплые отношения.

– Ты один в семье?

– Да. Я думал, что ты все обо мне знаешь.

– Если честно, я знаю все и – ничего. Я знаю, как ты выглядишь без одежды, но до сегодняшнего дня не знала твоей фамилии. Я знала, что ты живешь в Чикаго, но ничего не знала о твоей семье, за исключением того, что твоя мама погибла в автомобильной катастрофе, когда тебе было шесть. Я знаю, что ты хорошо разбираешься в искусстве и бегло говоришь по-французски и по-немецки; но понятия не имела, что ты библиотекарь. Ты делал все возможное, чтобы в настоящем я тебя не нашла; ты говорил, что это случится, когда придет время, и вот оно пришло.

– Да, вот оно пришло, – соглашаюсь я. – Ну, моя семья не такая шикарная. Они музыканты. Мой отец – Ричард Детамбль, а маму звали Аннет Линн Робинсон.

– Боже, та самая певица!

– Да. А отец – скрипач. Он играет в Чикагском симфоническом оркестре. Но на такую высоту, как мама, никогда не поднимался. Это просто позор, потому что отец – замечательный скрипач. После того как мама умерла, он не живет, а существует.

Приносят счет. Мы почти ничего не съели, но уж меня сейчас интересует точно не еда. Клэр берет в руки сумочку, но я качаю головой. Я расплачиваюсь, мы выходим из ресторана и оказываемся на Кларк-стрит, вокруг нас прекрасный осенний вечер. На Клэр изысканная голубая вязаная накидка и меховой шарф; я забыл дома пальто и потихоньку трясусь от холода.

– Где ты живешь? – спрашивает Клэр.

«О нет!»

– Я живу за два квартала отсюда, но квартирка крошечная и жутко захлавленная. А ты?

– Роской-Виллидж, на Хойне. Но у меня там соседка по комнате.

– Если мы пойдем ко мне, тебе придется закрыть глаза и сосчитать до тысячи. А может, твоя соседка нелюбопытная и глухая в придачу?

– Размечтался. Я никогда никого туда не привожу; Кларисса набросится на тебя и начнет засовывать бамбуковые щепки под ногти, пока ты во всем не сознаешься.

⁷ Meadowlark House (англ.) – Дом жаворонка в долине.

– Я просто мечтаю, чтобы меня помучила девушка по имени Кларисса, но вижу, ты моих пристрастий не разделяешь. Пойдем тогда ко мне.

Мы идет на север по Кларк-стрит. Я сворачиваю в магазинчик «Спиртные напитки на Кларк-стрит» за бутылкой вина. Возвращаюсь, Клэр смотрит удивленно:

– Я думала, тебе пить нельзя.

– Почему это?

– Доктор Кендрик очень строг насчет выпивки.

– А кто это?

Мы идем медленно, потому что на Клэр неудобные туфли.

– Он твой врач, большой эксперт по хронодислокации.

– Объясни.

– Я сама толком не знаю. Доктор Дэвид Кендрик – молекулярный генетик, который обнаружил... то есть обнаружит причину, почему люди перемещаются во времени. Это генетика, он это в две тысячи шестом году обнаружит. – Она вздыхает. – Думаю, сейчас еще просто слишком рано об этом говорить. Однажды ты мне сказал, что где-то лет через десять перемещающихся во времени людей будет гораздо больше.

– Я никогда не слышал, чтобы кто-то еще... перемещался.

– Думаю, пойдешь ты сейчас искать доктора Кендрика, он бы тебе не помог. А если бы помог, мы бы вообще никогда не встретились.

– Давай сейчас об этом не думать.

Мы в моем подъезде. Клэр заходит за мной в лифт. Закрываю дверь и нажимаю одиннадцатый этаж. От Клэр пахнет старой тканью, мылом, потом и мехом. Делаю глубокий вдох. Лифт звякает, подпрыгнув на моем этаже; мы высвобождаемся из его недр и идем по узкому коридору. Я быстро расправляюсь со всеми ста семью замками, и дверь открывается с легким скрипом.

– Пока мы ужинали, тут все стало еще хуже. Мне придется завязать тебе глаза.

Клэр хихикает, когда я ставлю на пол бутылку вина и стягиваю галстук. Закрываю ей глаза галстуком и крепко затягиваю узел на затылке. Открываю дверь, провожу ее в комнату и усаживаю в кресло.

– Ну вот, теперь начинай считать.

Клэр послушно считает. Я мечусь как угорелый: хватаю белье и носки с пола, собираю ложки и кофейные чашки с различных горизонтальных поверхностей и сваливаю их в раковину. Когда она произносит: «Девятьсот шестьдесят семь», я снимаю галстук с ее глаз. Кровать я свернул, сделал ее диваном, и теперь сижу на нем.

– Вино? Музыка? Свечи? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста.

Встаю и зажигаю свечи. После этого выключаю верхний свет, и по комнате начинают прыгать маленькие огоньки. Так гораздо лучше. Ставлю розы в воду, достаю штопор, вытаскиваю из бутылки пробку и наливаю нам по бокалу вина. Подумав секунду, ставлю диск моей мамы – она исполняет *lieder*⁸ Шуберта – и делаю звук потише.

Моя комната – это диван, кресло и тысяч пять книг.

– Как мило, – говорит Клэр.

Она встает и пересаживается на диван. Я сажусь рядом. Наступает волшебный момент, когда мы просто сидим и смотрим друг на друга. В волосах Клэр играют лучики света. Она протягивает руку и касается моей щеки.

– Я так рада тебя видеть. Я так скучала.

⁸ Песни (нем.).

Я притягиваю ее к себе. Мы целуемся. Это очень... привычный поцелуй, так целуются хорошо знакомые люди, и меня разбирает любопытство, чем же это таким мы в долине занимались, но я отбрасываю возникшую мысль. Наши губы раскрываются. Обычно в этот момент я думаю, как проникнуть под бесчисленные одежки, но вместо этого откидываюсь и вытягиваюсь на диване, за бока притягивая за собой Клэр; она очень скользкая в своем бархатном платье и проскальзывает, как бархатный уж, между спинкой дивана и мною. Она лежит лицом ко мне, я смотрю на нее, опираясь на руку. Через тонкую ткань я чувствую, как она прижимается всем телом ко мне. Часть меня изнывает от желания запрыгнуть на нее, облизать с ног до головы, оказаться внутри ее, но я слишком ошеломлен и обессилен.

– Бедный Генри.

– Почему это бедный? Я с ума схожу от радости.

Кстати, это правда.

– Ну, я обрушила на тебя все эти сюрпризы, как камни на голову.

Клэр перекидывает через меня ногу и оказывается точно на моем члене. Это абсолютно сбивает меня с мысли.

– Не шевелись, – говорю я.

– Хорошо. Но вечер просто чудесный. В смысле, знание – сила, и тому подобное. Мне всегда было жутко любопытно, где ты живешь, на что, какую одежду носишь.

– *Voilà*⁹.

Мои руки проскальзывают под ее платье, к бедрам. На ней чулки и подвязки. Все как я люблю.

– Клэр?

– *Oui*¹⁰.

– Мне кажется, это просто позор – вот так проглотить это все зараз. В смысле, немного предвкушения не помешает.

Клэр ужасно смущается:

– Прости! Но знаешь, с другой стороны, я ждала долгие годы. И это ж не торт... съешь, и все.

– Съешь один торт два раза.

– Это мой девиз.

Она улыбается тонкой хитрой улыбкой и несколько раз скользит по мне вверх-вниз. У меня такая эрекция, что, кажется, меня бы даже пустили кататься на самых крутых американских горках без родителей.

– Ты всегда добиваешься своего, да?

– Всегда. Я – просто кошмар. Вот только ты никогда не поддавался на мои хитрости. Я ужасно страдала на сухом пайке из французских глаголов и игры в шашки.

– Рад слышать, что у моего будущего «я» есть, по крайней мере, какое-то оружие, заставляющее тебя подчиняться. Ты это со всеми парнями проделываешь?

Клэр обижается; но не могу сказать, насколько искренне.

– Мне и в голову не приходило делать это с другими *парнями*. Что за грязные подозрения! – Она расстегивает мою рубашку. – Боже, ты такой... молодой.

Она сильнее сжимает мои соски. Черт с ней, с добродетелью. Я понял, как у нее платье расстегивается.

⁹ Готово (*фр.*).

¹⁰ Да (*фр.*).

Следующее утро

КЛЭР: Просыпаюсь и не понимаю, где я. Незнакомый потолок. В отдалении слышится шум дороги. Полки с книгами. Голубое кресло, и на нем висит мое бархатное платье, а сверху – галстук. Потом я вспоминаю. Поворачиваю голову и вижу Генри. Так просто, как будто я всю жизнь это видела. Он спит агрессивно, вывернулся весь так, как будто его водой вынесло на берег, одной рукой прикрывает от света глаза, длинные черные волосы разбросаны по подушке. Так просто. Здесь и сейчас, наконец-то сейчас.

Осторожно встаю с постели. Кровать Генри служит ему еще и диваном. Я встаю, скрипят пружины. Между кроватью и книжными полками не очень много места, поэтому я прохожу бочком, пока не добираюсь до коридора. Ванная комната просто крошечная. Я чувствую себя Алисой в Стране чудес, будто я вымахала слишком большая и, чтобы повернуться, нужно руку в окно высунуть. От украшенной орнаментом маленькой батареи исходит тепло. Я писаю, мою руки и умываюсь. А потом замечаю, что в пластиковом стаканчике на раковине стоят две зубные щетки.

Открываю аптечку. На верхней полке лезвия, крем для бритья, листерин, тиленол, крем после бритья, голубой мрамор, зубочистки, дезодорант. А на нижней – крем для рук, тампоны, диафрагма, дезодорант, губная помада, пузырек с мультивитаминами, тюбик спермицида. Помада темно-красного цвета.

Беру цилиндрик в руки. Мне немного не по себе. Интересно, как она выглядит, как ее зовут. Интересно, сколько они встречаются. Думаю, довольно долго. Ставлю помаду обратно и закрываю аптечку. Смотрю на свое бледное, растрепанное отражение в зеркале.

«Ладно, кто бы ты ни была, сейчас здесь я. Может быть, ты – прошлое Генри, но я – его будущее».

Улыбаюсь своему отражению. Оно улыбается в ответ. Надеваю махровый халат Генри, висящий на крючке на двери. Под ним вижу бледно-голубой шелковый халат. Надев его халат, почему-то чувствую себя лучше.

Возвращаюсь в комнату; Генри по-прежнему спит. Беру свои часы с подоконника: всего полседьмого. Но я слишком раздергана, чтобы уснуть. Иду в кухню за перегородкой поискать кофе. Все полки и плита завалены горами тарелок, журналов и других печатных изданий. В раковине даже носок есть. Понимаю, что вчера вечером Генри просто все без разбора свалил сюда. Я всегда считала, что Генри ужасно аккуратный. Теперь-то ясно, что он один из тех, кто ужасно придирчив насчет внешности, но втайне неряшлив в остальных вещах. Кофе я нахожу в холодильнике, беру кофеварку и начинаю варить кофе. Ожидая, когда он закипит, просматриваю книги у Генри на полках.

Вот это тот Генри, которого я знаю. «Элегии, песни и сонеты» Донна, «Доктор Фауст» Кристофера Марло. «Голый завтрак», Энн Брэдстрит¹¹, Иммануил Кант. Барт, Фуко, Деррида. «Песни невинности и опыта» Блейка, «Винни Пух», «Аннотированная Алиса» Гарднера. Хайдеггер. Рильке. «Тристрам Шенди»¹², «Смерть и безумие в Висконсине»¹³. Аристотель. Епископ Беркли. Эндру Марвелл. «Гипотермия, обморожение и другие холодные травмы».

Скрипит кровать, я подпрыгиваю. Генри сидит и смотрит на меня, прищурившись в утреннем свете. Он такой молодой, такой *незнакомый*... И он еще меня не знает. Мне вдруг становится страшно, что он меня забыл.

¹¹ Энн Брэдстрит (1612–1672) – поэтесса; первый поэт, опубликовавший свои стихи в Америке.

¹² «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1760–1767) – роман Лоренса Стерна.

¹³ «Wisconsin Death Trip» (1973) – знаменитая книга Майкла Леси из фотографий Чарльза ван Шейка и газетных материалов конца XIX в.; сюрреалистический кошмар, составленный исключительно из фактических материалов. В 1999 г. Джеймс Марш выпустил экранизацию.

– Замерзла? – спрашивает он. – Ложись в постель, Клэр.

– Я кофе сделала, – предлагаю я.

– Ммм, чую запах. Но сначала подойди и поздоровайся.

Залезаю в его халат в постель. Его рука ныряет под халат и вдруг на секунду останавливается, и я вижу: он сообразил, что я была в ванной и видела следы присутствия его визави.

– Ты расстроилась? – спрашивает он.

На секунду я не знаю, что сказать.

– Да. Я расстроилась. Я расстроилась.

Генри садится, и я сажусь тоже. Он поворачивает голову ко мне и смотрит в глаза.

– В любом случае, это уже почти в прошлом.

– Почти?

– Я как раз собирался порвать с ней. Просто сейчас не лучший момент. Или наоборот – удачный. Не знаю.

Он шарит по мне глазами, пытаясь найти там... что? Прощение? Он не виноват. Откуда ему было знать?

– Мы уже просто мучаем друг друга в последнее время... – Он начинает говорить все быстрее и быстрее, потом вдруг останавливается. – Тебе это интересно?

– Нет.

– Спасибо. – Генри трет руками лицо. – Прости. Я не знал, что ты придешь, а то бы убрался получше. Просто моя жизнь, ну... проходит не только тут.

Над ухом у Генри – след губной помады. Протягиваю руку и стираю. Он дотрагивается до моей руки и держит ее.

– Я не такой, да? Не такой, как ты ожидала? – настороженно спрашивает он.

– Да... ты более...

«Эгоистичный», – думаю я, но вместо этого говорю:

– Ты моложе.

– Это хорошо или плохо? – спрашивает он, подумав.

– Это просто по-другому. – Я провожу руками по плечам Генри, по спине, разминаю мышцы, изучаю отметины. – А ты себя видел, когда тебе за сорок было?

– Да. Видок, словно из камеры пыток.

– Да. Но ты менее... то есть ты более... Ну, то есть ты меня *знаешь*, поэтому...

– Поэтому прямо сейчас я кажусь тебе неуклюжим.

Точнее не скажешь, но я в ответ качаю головой:

– Нет, просто я-то через все прошла, а ты... Я не привыкла видеть тебя, когда ты ничего не знаешь.

Генри очень серьезен:

– Извини. Но человека, которого ты знаешь, еще не существует. Оставайся со мной, и рано или поздно он обязательно появится. Это все, что я могу предложить.

– Это справедливо, – признаю я. – Но пока что...

Он поворачивается и пристально смотрит на меня:

– Пока – что?

– Я хочу...

– Ты хочешь?

Я краснею. Генри улыбается и аккуратно опускает меня на подушки.

– Ты знал.

– Я не знал, но кое-что умею угадывать.

Позднее мы дремлем, укутанные теплом бледного октябрьского утра, лежим рядом, и Генри говорит что-то мне в затылок, но я не слышу его.

– Что?

– Я просто подумал: здесь, с тобой, очень спокойно. Мне просто очень хорошо лежать здесь и знать, что о будущем уже кто-то позаботился.

– Генри?

– Ммм?

– Почему ты никогда о себе не рассказывал?

– Потому что так надо.

– В смысле?

– Обычно я не рассказываю о будущем, если только там не что-то страшное, угрожающее жизни, понимаешь? Я стараюсь жить обычной жизнью. Не люблю, когда в одном времени живет мое другое «я», поэтому стараюсь не наткнуться на самого себя без необходимости.

Какое-то время я обдумываю это.

– А я бы себе все рассказывала.

– Нет, это не так. От этого слишком много проблем.

– Я всегда старалась заставить тебя рассказывать мне что-нибудь.

Я переворачиваюсь на спину, а Генри подпирает голову рукой и смотрит на меня сверху вниз. Наши лица разделяют какие-то шесть дюймов. Это так странно: разговаривать с ним, как мы делали сотни раз, но его физическая близость сбивает меня с толку.

– И я тебе рассказывал? – спрашивает он.

– Иногда. Когда у тебя настроение было или когда приходилось.

– Например?

– Вот видишь, ты хочешь знать. А я не скажу.

– Так мне и надо, – смеется Генри. – Эй, я есть хочу. Пойдем завтракать.

На улице морозно. По Диарбон едут машины и велосипедисты, парочки прогуливаются по тротуару, и мы среди них, в свете утреннего солнца, идем, держась за руки, наконец-то вместе, и пусть все видят! Я чувствую легкий укол сожаления, как будто у меня отняли тайну, но потом приходит ощущение восторга: вот теперь все и начнется.

Самый первый раз

16 июня 1968 года, воскресенье

ГЕНРИ: Первый раз было как в сказке. Разве я мог знать, что это означает? Был мой пятый день рождения, и мы пошли в Филдовский музей естествознания. Кажется, раньше я в нем не бывал. Родители за несколько недель начали рассказывать мне о чудесах, которые там есть, о чучелах слонов в огромных комнатах, скелетах динозавров и диорамах с пещерными людьми. Мама только что вернулась из Сиднея и привезла мне огромную, потрясающего синего цвета, бабочку *Papilio ulusses*, висевшую в рамке, набитой хлопком. Я подносил ее близко к глазам, так близко, что ничего, кроме этого синего цвета, не видел. Она наполняла меня чувством, которое позже я пытался заменить спиртным и наконец вновь обрел с Клэр, – чувством единения, забвения, отсутствия мысли в лучшем смысле этого слова. Родители описывали, какое в музее множество коробок с бабочками, колибри, жуками. Я был так взволнован, что проснулся до рассвета. Надел спортивные тапочки, взял свою *Papilio ulusses* и в одной пижаме пошел через задний двор, вниз по ступеням, к реке. Сел на причал и смотрел на восход. Мимо проплыло семейство уток, на другом берегу появился енот и некоторое время с любопытством меня разглядывал, прежде чем начал мыться и завтракать. Наверное, я заснул. Услышал, как меня зовет мама, и, осторожно, чтобы не уронить бабочку, побежал по скользким от росы ступенькам. Мама сердилась, что я один пошел на причал, но недолго, ведь это был мой день рождения, и вообще.

В тот вечер ни мама, ни отец не работали, поэтому одевались и собирались не спеша. Я был готов ехать гораздо раньше. Сидел на их кровати и делал вид, что читаю партитуру. Где-то в это время мои музыкальные родители обнаружили, что их единственный отпрыск лишен музыкального таланта. Я пытался, правда; но просто не мог услышать ничего из того, что слышали в музыкальном отрывке они. Мне нравилась музыка, но я не мог спеть и двух нот. И хотя я с четырех лет читал газеты, партитуры оставались для меня всего лишь забавными черными закорючками. Но родители продолжали надеяться, что у меня, возможно, есть скрытые музыкальные задатки, поэтому, когда я взял в руки партитуру, мама села рядом и решила помочь мне разобраться в ней. Потом мама начала петь, а я то и дело встречал, издавая ужасные завывания и щелкая пальцами; мы хихикали, она меня щекотала. Из ванной в одном полотенце вышел отец и присоединился к нам. Несколько восхитительных минут мы пели все вместе, отец взял меня на руки, и они танцевали, зажав меня между собой. Потом зазвонил телефон, и волшебство исчезло. Мама пошла взять трубку, а отец посадил меня на кровать и начал одеваться.

Наконец все были готовы. На маме было красное платье без рукавов и сандалии; она выкрасила ногти на руках и ногах в тон платью. Отец был великолепен – в синих брюках и белой рубашке с коротким рукавом, он создавал спокойный фон для цветового буйства в мамином наряде. Мы сели в машину. Как всегда, заднее сиденье было в моем полном распоряжении, поэтому я лег и смотрел на пролетающие за стеклом высокие здания, стоящие по Лейк-Шордрайв.

– Поднимайся, Генри, – сказала мама. – Мы приехали.

Я сел и посмотрел на музей. До того момента мое детство прошло в поездках по европейским столицам, поэтому Филдовский музей удовлетворил мое представление о «музее», но ничего особенного в этом каменном фасаде с куполом я не нашел. Было воскресенье, и припарковаться было трудно, но наконец мы нашли место и пошли вдоль озера, мимо лодок, статуй и других взволнованных детей. Прошли между тяжелых колонн и оказались в музее.

Музей меня очаровал.

Здесь вся природа была поймана, снабжена ярлыками, выстроена в логическом порядке, таком же бесконечном, как и сам порядок, устроенный Богом. Возможно, сам Господь, случайно перепутав листки с описанием собственных же творений, попросил бы персонал музея помочь Ему разобраться во всем этом. Для меня, пятилетнего, которого одна лишь бабочка привела в полный восторг, брести по залам музея Филда было все равно что идти через Эдем и видеть все происходившее там.

В тот день мы увидели так много бабочек, и правда – сотни и сотни коробок с бабочками, из Бразилии, с Мадагаскара, даже сестру моей синей бабочки из Южного полушария. Музей был темный, холодный и старый, и это обостряло ощущение застывшего времени; в этих стенах притаилось само время, сама смерть. Мы видели кристаллы и пум, выхухолей и мумии, ископаемых и вновь ископаемых. Пообедали на лужайке около музея и опять нырнули в царство птиц, аллигаторов и неандертальцев. Ближе к концу я так устал, что едва стоял на ногах, но и подумать не мог о том, чтобы уйти. Появилась охрана и вежливо проводила нас к выходу; я пытался не расплакаться, но потом, конечно, заплакал, от огорчения и усталости. Отец взял меня на руки, и мы пошли к машине. Я заснул на заднем сиденье, и, когда проснулся, мы были уже дома и было время ужинать.

Ужинали мы внизу, у мистера и миссис Ким. Они сдавали нам квартиру. Мистер Ким был сердитый, немногословный мужчина, которому я нравился, но говорил он мало, а миссис Ким (я называл ее Кимми) была моей подружкой, моей ненормальной корейской нянькой, обожавшей играть в карты. Большую часть времени, когда не спал, я проводил с Кимми. Мама готовила неважно, а Кимми могла с непередаваемым изяществом приготовить все, начиная с суфле и заканчивая би-бим-боп¹⁴. В тот вечер, в честь моего дня рождения, она приготовила пиццу и шоколадный торт.

Мы ужинали. Все спели «С днем рождения», я задул свечи. Не помню, что я загадал тогда. Мне разрешили не ложиться спать дольше, чем обычно, потому что я был все еще так взволнован всем, что мы увидели, и потому что я поспал днем. Я сидел в пижаме на заднем крыльце с мамой, отцом, миссис и мистером Ким, пил лимонад и смотрел на голубизну вечернего неба, слушал цикад и звуки телевизионной передачи из другой квартиры. Наконец папа сказал: «Генри, в постель». Я почистил зубы, помолился и пошел спать. Несмотря на жуткую усталость, сна не было ни в одном глазу. Отец мне почитал книгу, а потом, видя, что я по-прежнему не могу уснуть, мама выключила свет, оставила мою дверь открытой и пошла в гостиную. Мы договорились, что она будет играть мне, сколько я захочу, но слушать я должен не вставая с постели. Мама села за пианино, отец взял скрипку, и они пели и играли долго-долго. Колыбельные, *lieder*, ноктюрны, все то, что помогает утомить ребенка, который не хочет заснуть. Потом мама зашла ко мне в комнату посмотреть, уснул ли я. Наверное, я казался маленьким и настороженным в своей кровати, в пижаме с изображениями животных.

– Ну, малыш? Не уснул?

Я покачал головой.

– Мы с папой идем спать. Ты в порядке?

Я кивнул, и она обняла меня.

– Ты сегодня очень устал в музее, да?

– А завтра мы туда поедем?

– Не завтра, но скоро поедем, договорились?

– Да.

– Спокойной ночи. – Она оставила дверь открытой и выключила свет в зале. – Баю-бай, поскорее засыпай.

¹⁴ Корейское блюдо из говяжьего филея.

Я слышал тихие звуки, плеск, звук смываемой в туалете воды. Затем все стихло. Я выбрался из постели и встал на колени у окна. Видел свет в окнах соседнего дома, мимо проехала машина с включенным радио. Постоял так какое-то время, пытаюсь уснуть, потом поднялся, и все изменилось.

**2 января 1988 года, суббота, 4:03 утра /
16 июня, 1968 года, воскресенье, 10:46 вечера
(Генри 24 и 5)**

ГЕНРИ: Сейчас 4:03 утра, на редкость холодное январское утро, и я только возвращаюсь домой. Был на танцах, хмель еще не выветрился, я жутко устал. Ковыряюсь с ключами в ярко освещенном холле и вдруг падаю на колени, голова кружится, меня тошнит, я оказываюсь в темноте, и меня рвет на кафельный пол. Поднимаю голову и вижу красную горящую надпись «ВЫХОД» и, когда глаза привыкают к темноте, вижу вокруг тигров, пещерных мужчин с длинными копьями, женщин в нарочито скромных шкурах и зверских собак. Сердце чуть не выскакивает из груди, и на секунду, которая длится вечность, в одурманенной алкоголем голове формируется мысль: «Черт, я попал в каменный век», но наконец понимаю, что надпись «ВЫХОД» с большей вероятностью относится к веку двадцатому. Встаю, меня трясет, иду к двери, под босыми ногами ледяные плитки, по всему телу бегают мурашки, и волосы становятся дыбом. Вокруг полная тишина. Кондиционеры работают вовсю, и очень холодно. Дохожу до двери и заглядываю в соседнюю комнату. Она полна стеклянных коробок; белые фонари светят через высокие стекла, и я вижу тысячи жуков. Я в музее Филда, слава богу. Стою неподвижно, глубоко дышу, пытаюсь привести мысли в порядок. Какая-то мысль пробивается через задурманенное сознание, и я пытаюсь выцарапать ее. Я должен что-то сделать. Да. Мой пятый день рождения... кто-то там был, и этот кто-то – я, и мне надо что-то сделать... Мне нужна одежда. Да. Ну конечно же.

Пробегаю через царство насекомых, по длинному коридору, в конце которого лестница на второй этаж, вниз по западной лестнице на первый этаж, слава богу, еще нет датчиков движения. В лунном свете надо мной угрожающе нависают огромные слоны, и я машу им рукой, пробегая к магазинчику с сувенирами, находящемуся справа от главного входа. Я хочу найти что-нибудь подходящее. Вот оно: резной нож для бумаги, металлическая закладка для книг с эмблемой музея Филда и две футболки с динозаврами. Замки на витринах просто смех, я открываю их найденной у кассы булавкой для волос и беру то, что мне нужно. Отлично. Теперь обратно на лестницу, на третий этаж. Здесь располагается «чердак» музея Филда: лаборатории и комнаты персонала. Прочитываю таблички с именами на дверях, но ни одно из них ничего мне не обещает; наконец останавливаюсь напротив первой попавшейся двери и просовываю закладку для книг, пытаюсь поддеть замок, и вот я внутри.

Этот офис принадлежит У. М. Уильямсону, и я понимаю, что этот парень ужасный неряха. Повсюду бумаги, кофейные чашки и окурки, не помещающиеся в пепельнице; на рабочем столе лежит частично собранный скелет змеи. Быстро исследую кладовку с одеждой и ничего не нахожу. Следующая комната принадлежит женщине, Дж. Ф. Беттли. В третьей комнате мне везет. Д. У. Фитч держит в кабинете костюм, аккуратно висящий на плечиках, и он, в общем, мне подходит, хотя рукава и штанины немного коротковаты, а лацканы широковаты. Под пиджаком на мне футболка с динозаврами. Ботинок нет, но выпляжу я прилично. У Фитча в ящике стола лежит запечатанная упаковка с печеньем «Орео», благослови его Господь. Забираю ее и ухожу, аккуратно закрыв за собой дверь.

Где я был, когда увидел себя? Зажмуриваю глаза, и на меня наваливается физическая усталость, я чувствую на себе ее сонные пальцы. Ноги подкашиваются, но тут я вспоминаю:

силуэт человека, освещенный со спины, идет ко мне от главных дверей музея. Мне нужно вернуться в главный холл.

Дохожу туда, все тихо и неподвижно. Прохожу через середину холла, пытаюсь точно припомнить, где я стоял, и сажусь около гардероба, слева от входа. В голове шумит, гудят кондиционеры, свистят проносящиеся по Лейк-Шор-драйв автомобили. Съедаю десять печений одно за другим, медленно пережевывая, аккуратно отделяя каждый слой, языком стаскивая с передних зубов начинку, заставляю шоколадные половинки таять во рту, чтобы растянуть вкус. Я понятия не имею, сколько сейчас времени и сколько мне нужно ждать. Я уже почти протрезвел и сижу настороженный. Время проходит, ничего не меняется. И наконец я слышу тихий удар и вскрик. Тишина. Жду. Тихо встаю и крадусь в холл, медленно прохожу по освещенным кусочкам мраморного пола. Останавливаюсь в середине дверного проема и тихо зову:

– Генри.

Ничего. Хороший мальчик, осторожный и тихий. Я снова пытаюсь:

– Все в порядке, Генри. Я твой экскурсовод, я здесь затем, чтобы все тебе показать. Это специальная экскурсия. Не бойся, Генри.

Я слышу настороженный, очень-очень тихий звук.

– Я принес тебе футболку, Генри. Чтобы ты не замерз, пока мы будем смотреть экспонаты.

Я вижу его, он стоит на границе света и темноты.

– Вот, держи.

Бросаю ему футболку, и она исчезает, а потом он выходит на свет. Футболка достает до колен. Мне пять лет, черные взлохмаченные волосы, бледное лицо в свете луны, кариес, почти славянского типа глаза, взгляд колючий, но по-мальчишески веселый. В пять лет я счастливый, нормальный ребенок в руках заботливых родителей. Как все изменилось с тех пор.

Медленно иду к нему, наклоняюсь и тихо говорю:

– Привет. Я рад видеть тебя, Генри. Спасибо за то, что пришел сегодня.

– Где я? И кто вы такой? – У него тихий и высокий голосок, который тихим эхом отражается от холодных каменных стен.

– Ты в музее Филда. Меня послали сюда, чтобы я показал тебе те вещи, которые днем не видно. Меня тоже зовут Генри. Разве не смешно?

Он кивает.

– Хочешь печенье? Я всегда ем печенье, когда хожу по музеям. Так лучше все чувствуется.

Протягиваю ему пакетик. Он колеблется, неуверенный, а можно ли это делать; он голоден, но не уверен, сколько он может взять, чтобы не показаться плохо воспитанным.

– Возьми сколько хочешь. Я уже десять штук съел, так что догоняй. – (Он берет три штуки.) – Ты хотел бы посмотреть что-нибудь в самую первую очередь? – (Он качает головой.) – Давай сделаем так: пойдем на третий этаж, где они держат вещи, которые никому не показывают. Хорошо?

– Хорошо.

Мы идем вверх по темной лестнице. Он не может идти быстро, и я притормаживаю, чтобы он не отставал.

– А где мама?

– Она дома, спит. Это особая экскурсия, специально для тебя, ведь у тебя сегодня день рождения. К тому же взрослые такого не делают.

– А вы разве не взрослый?

– А я неправильный взрослый. У меня работа такая – приключения. Поэтому, само собой, когда я узнал, что ты хочешь обязательно вернуться в музей Филда, я не мог упустить возможность провести тебя по нему.

– Но как я сюда попал? – Он останавливается на верху пролета и с полным недоумением в глазах смотрит на меня.

– Ну, это секрет. Если я тебе расскажу, тебе придется поклясться, что никому не расскажешь.

– Почему?

– Потому что тебе никто не поверит. Ты можешь рассказать маме или Кимми, если хочешь, но больше никому. Договорились?

– Договорились...

Я опускаюсь перед ним на колени, перед своим невинным «я», и смотрю ему в глаза:

– Клянись никому не говорить?

– Угу.

– Ну хорошо. В общем, ты переместился во времени. Ты был в своей спальне, и вдруг – бах! – ты здесь, и у нас полно времени, чтобы все посмотреть, прежде чем тебе придется идти домой.

Он молчит, озадаченный.

– Понимаешь?

– Но... почему?

– Ну, я еще и сам не знаю. Но когда узнаю, сразу расскажу тебе. А пока пойдем. Печенье хочешь?

Он берет одну штуку, и мы медленно идем по коридору.

Я решаю попробовать:

– Давай сюда зайдем.

Просовываю закладку в щель двери с цифрами «306» на табличке и открываю ее. Включаю свет, и мы видим наваленные на полу камни размером с тыкву, целые и половинки, неровные снаружи и с железными бороздками на сколах.

– Ух ты, Генри, посмотри: метеориты.

– Что такое метеориты?

– Камни, которые падают из космоса.

Он смотрит на меня так, как будто я сам из космоса.

– В другую комнату пойдем?

Он кивает.

Закрываю комнату с метеоритами и открываю другую. В ней – птицы. Птицы, замершие в полете, и птицы, намертво прикрепленные к веткам, птичьи головы, птичьи скелеты. Открываю один из сотни ящиков – в нем около десятка стеклянных колб, и в каждой сидит крошечная золотистая или черная птица с названием, прикрепленным к лапке. У Генри глаза становятся размером с блюдце.

– Хочешь потрогать?

– Угу.

Вынимаю хлопчатобумажный комок из горлышка колбы и вытряхиваю золотистого зяблика себе на ладонь. Он сохраняет форму колбы.

Генри с любовью гладит его маленькую головку:

– Он спит?

– Вроде того.

Генри пронизательно смотрит на меня, справедливо подозревая в обмане. Я аккуратно проталкиваю зяблика обратно в колбу, затыкаю тканью, ставлю колбу на место и закрываю ящик. Я ужасно устал. Само слово «сон» кажется колыбельной. Веду его в холл и внезапно вспоминаю, что мне больше всего понравилось в ту ночь, когда я был на его месте.

– Эй, Генри. Пойдем в библиотеку.

Он пожимает плечами.

Я иду быстрым шагом, и ему приходится бежать, чтобы не отстать. Библиотека находится на третьем этаже, в восточном крыле здания. Когда мы доходим до нее, я на минутку останавливаюсь, рассматривая замки. Генри смотрит на меня, как бы говоря: «Ну, вот и все». Я шарю по карманам и нахожу нож для бумаги. Откручиваю деревянную ручку и – есть! – вижу внутри замечательный длинный тонкий железный шип. Я просовываю его наполовину в замок и поворачиваю. Замок скрипит, я аккуратно просовываю шип до упора, открываю другой замок закладкой, и – *presto*¹⁵, сезам, откройся!

Наконец мне удается удивить моего юного друга.

– Как ты это сделал?

– Это не так уж и трудно. Как-нибудь я тебя научу. *Entrez!*¹⁶

Я открываю перед ним дверь, и он заходит.

Включаю свет, и читальный зал выскакивает из темноты: тяжелые деревянные столы и стулья, бордовый ковер, огромный пугающий стол администратора. В библиотеке музея Филда нет ничего, что привлекло бы пятилетнего мальчишку. Это закрытое книгохранилище для ученых и аспирантов. Вдоль стен стоят книжные шкафы, но в основном это периодические издания Викторианской эпохи в кожаных переплетах. Книга, которая нужна мне, лежит одиноко в огромном ящике из стекла и дуба посреди комнаты. Открываю замок булавкой для волос и распахиваю стеклянную дверцу. Честное слово, музею нужно лучше заботиться об охране. Я не думаю, что делаю что-то ужасное; в конце концов, я истинный библиотекарь, постоянно провожу лекции в Ньюберри. Прохожу за стол администратора, беру кусок войлока, несколько подставок и кладу их на ближайший стол. Затем закрываю и аккуратно вынимаю книгу из ящика, кладу ее на войлок. Придвигаю стул.

– Эй, встань на него, чтобы было лучше видно.

Генри залезает на стул, и я открываю книгу.

Это «Птицы Америки» Одюбона, огромная, роскошная, потрясающая книга чуть не с меня ростом. Эта копия – лучшая из существующих, и я провел много дождливых вечеров, наслаждаясь ею.

Открываю ее на первом листе, Генри смотрит и улыбается.

– «Полярная гагара обыкновенная», – читает он. – Она совсем как утка.

– Да, действительно. Спорим, я угадаю, какая твоя любимая птица.

Он трясет головой и смеется.

– На что поспорим?

Он смотрит на свою футболку с динозавром и пожимает плечами. Мне знакомо это ощущение.

– Как насчет такого: если я угадаю, тебе придется съесть печенье, а если не угадаю, тебе тоже придется съесть печенье?

Он обдумывает предложение и решает, что он в этом споре не прогадает. Я открываю книгу на странице «Фламинго». Генри смеется.

– Угадал?

– Да!

Легко быть всеведущим, когда это все уже было раньше.

– Ну, держи свое печенье. А я себе возьму одну штучку за правильный ответ. Но давай съедем их после того, как посмотрим книгу; мы же не хотим, чтобы вся страница с синешейками была засыпана крошками, так?

– Да!

¹⁵ Быстро (*ит.*)

¹⁶ Входи! (*фр.*)

Он кладет печенье на спинку кресла, и мы начинаем рассматривать книгу сначала, медленно переворачивая страницы с птицами, которые выглядят такими же живыми, как и те, которых мы видели в стеклянных колбах внизу.

– Это большая голубая цапля. Она ужасно большая, больше, чем фламинго. Ты когда-нибудь видел колибри?

– Сегодня видел!

– Здесь, в музее?

– Угу.

– Подожди, вот увидишь их на улице – они как крошечные вертолетики, у них крылышки так быстро порхают, что видишь только размытые следы...

Каждый переворот страницы – как расстилание простыни: огромное бумажное полотно медленно поднимается и переворачивается. Генри смотрит внимательно, не устывая удивляться, и тихо, довольно повизгивает, увидев очередного североамериканского журавля, американскую лысуху, большую гагару, хохлатого дятла. Когда мы доходим до последней страницы, «Белоснежная овсянка», он наклоняется и трогает лист, аккуратно поглаживая выбитую надпись. Я смотрю на него, смотрю на книгу – и вспоминаю ее, вспоминаю этот момент, эту первую книгу, в которую я влюбился, вспоминаю, как мне хотелось забраться внутрь нее и заснуть.

– Устал?

– Угу.

– Пойдем?

– Да.

Я закрываю «Птиц Америки», возвращаю ее в стеклянный домик, открываю ее на странице «Фламинго», закрываю дверцу, запираю. Генри спрыгивает со стула, съедает печенье. Возвращаю на место войлок и задвигаю стул. Генри выключает свет, и мы выходим из библиотеки.

Мы бродим, болтаем обо всем, что летает и ползает, едим печенье. Генри рассказывает мне о маме, папе и миссис Ким, которая учит его делать лазанью, и о Бренде (я и забыл, а это моя лучшая подруга детства; мы с ней дружили, пока ее семья не переехала во Флориду, в Тампу). Это будет примерно через три месяца. Мы стоим напротив бушмена, легендарной восточной равнинной гориллы, великолепно выполненное чучело которой тарачится на нас со своего мраморного постамента в коридоре первого этажа. И вдруг Генри вскрикивает, делает шаг вперед, пытаясь найти у меня защиту, я подхватываю его, и он исчезает. У меня в руках остается мягкая пустая футболка. Вздыхаю и иду наверх, чтобы полюбоваться на мумии. Мое маленькое «я» уже дома, залезает в постель. Я помню, помню. Я проснулся утром, и это было как прекрасный сон. Мама посмеялась и сказала, что сказка про путешествие во времени ей понравилась и она тоже хочет попробовать.

Это был первый раз.

Первое свидание, часть вторая

23 сентября 1977 года, пятница
(Генри 36, Клэр 6)

ГЕНРИ: Я в долине. Сiju немного в стороне от поляны, голый, потому что не нашел одежды в коробке, обычно приготовленной Клэр. Нет и самой коробки, поэтому я ужасно счастлив, что день теплый, возможно начало сентября, год определить не могу. Сiju на корточках в высокой траве. И думаю. Отсутствие коробки с одеждой означает, что я появился раньше, чем познакомился с Клэр. Может быть, Клэр еще и не родилась. Такое бывало раньше, и это ужасно больно, я скучаю по Клэр и провожу время, прячась в долине, не осмеливаясь показаться по соседству с ее семьей. С тоской вспоминаю яблони на западном конце долины. В это время года уже должны быть яблоки, маленькие, кислые и обкусанные оленями, но съедобные. Слышу, как хлопает дверь-ширма, и вглядываюсь через траву. Вижу девочку, которая сломя голову несется к поляне, и, когда она пробегает по тропинке через качающиеся стебли травы, мое сердце подпрыгивает – Клэр врывается на поляну.

Она очень маленькая. Она ничего не знает, она одна. На ней все еще школьное платье, зеленый джемпер и белая блузка, гольфы до колен и кожаные ботинки; в руке пакет из «Маршалла Филда» и пляжное полотенце. Клэр расстилает полотенце на земле и вываливает содержимое пакета. В нем всевозможные письменные принадлежности: старые шариковые ручки, маленькие простые карандаши из библиотеки, цветные карандаши, пахнущие спиртом маркеры, авторучки. И еще у нее кипа листов из отцовского кабинета. Она все раскладывает, подравнивает листки, потом берет по очереди каждую ручку и карандаш, делая аккуратные линии и завитушки, тихо напевая что-то. Какое-то время я прислушиваюсь и понимаю, что это песня Дика Ван Дайка¹⁷.

Я не знаю, что делать. Клэр спокойна, полностью погружена в свое занятие. Наверное, ей около шести. Если сейчас сентябрь, то она, наверное, только что пошла в первый класс. Очевидно, меня она не ждет, то есть я ей незнаком. Я уверен, что первое, чему учат в первом классе, – это не вступать в разговоры с голыми незнакомцами, которые вдруг появляются в твоём любимом месте для игр, знают твоё имя и просят ничего не рассказывать маме с папой. Интересно, это точно день нашей первой встречи или нет? Может быть, мне нужно затаиться и подождать, пока Клэр не уйдет, а мне не удастся раздобыть несколько яблок и украсть что-нибудь из прачечной или вернуться обратно.

Я резко возвращаюсь к реальности и вижу, что Клэр смотрит прямо на меня. Слишком поздно до меня доходит, что я потихоньку напел вместе с ней.

– Кто здесь? – шепчет Клэр.

Она выглядит как злая гусыня, состоящая из одной шеи и ног. Я быстро соображаю.

– Приветствую тебя, землянин, – растягиваю я слова.

– Марк! Ты Нимрод!

Клэр осматривается, думая, что бы кинуть, и решает кинуть ботинки с тяжелыми, острыми каблуками. Она сбрасывает их и кидает. Не думаю, что она четко видит меня, но ей везет, и один ботинок попадает мне по губе и рассекает ее до крови.

– Пожалуйста, не надо.

¹⁷ Дик Ван Дайк (р. 1925) – популярный американский актер и певец, снимался преимущественно в музыкальных комедиях.

Мне нечем остановить кровь, поэтому я прижимаю ко рту руку и говорю приглушенно. Сильно болит челюсть.

– Кто здесь? – Теперь Клэр испугана, и я тоже.

– Генри. Это Генри, Клэр. Я тебя не обижу и надеюсь, ты в меня ничего больше кидать не будешь.

– Отдай мне мои ботинки. Я тебя не знаю. Почему ты прячешься? – Клэр изо всех сил тарашится на меня.

Я выбрасываю ее ботинки обратно на поляну. Она их подбирает и держит в руках, как револьверы.

– Я прячусь, потому что потерял свою одежду и стесняюсь. Я пришел издалека, я есть хочу, я никого тут не знаю, и у меня губа разбита.

– Откуда ты пришел? Откуда ты знаешь, как меня зовут?

Только правда и ничего, кроме правды.

– Я пришел из будущего. Я путешественник во времени. В будущем мы с тобой друзья.

– Люди путешествуют во времени только в кино.

– Мы просто хотим верить, что это так.

– Почему?

– Если бы все путешествовали во времени, то настало бы столпотворение. Ну, когда ты на прошлое Рождество ездила к своей бабушке Эбшир, ты ведь была в аэропорту О'Хара, и там было очень, очень много народу, верно? Мы, путешественники во времени, не хотим все запутывать, поэтому ведем себя тихо.

Какое-то время Клэр переваривает информацию.

– Выходи.

– Одолжи мне свое полотенце.

Она поднимает его, разбрасывая все карандаши, ручки, листки бумаги. Через голову бросает мне полотенце, я его хватаю, поворачиваюсь спиной, встаю и закручиваю полотенце вокруг себя. На полотенце крупные ярко-розовые и оранжевые геометрические фигуры. Именно о такой штуке мечтаешь, когда собираешься встретить впервые свою будущую жену. Я поворачиваюсь и вхожу на поляну, сажусь на камень, стараясь выглядеть насколько можно презентабельно. Клэр стоит от меня как можно дальше, чуть не на другой стороне поляны. В руках у нее по-прежнему зажаты ботинки.

– У тебя кровь.

– А, да. Ты же в меня ботинком кинула.

– Ой!

Тишина. Я пытаюсь выглядеть безобидным и милым. Это очень важно для маленькой Клэр, потому что далеко не все из ее нынешних знакомцев милы и безобидны.

– Ты надо мной смеешься.

– Даже в мыслях не было. Почему ты так решила?

Клэр не была бы собой, если бы не упрямылась.

– Никто не путешествует во времени. Ты врешь.

– Санта путешествует.

– Что?

– Ну конечно. А как, ты думаешь, он умудряется доставить все подарки за одну ночь? Он просто постоянно подкручивает стрелки часов на несколько оборотов назад, пока не прогуляется по всем до единой печным трубам.

– Санта волшебный. Ты не Санта.

– В смысле, я не волшебный? Нора-умора, да ты просто маленькая упрямица.

– Я не Нора.

– Знаю. Ты Клэр. Клэр Анна Эбшир, двадцать четвертого мая тысяча девятьсот семьдесят первого года рождения. Твои родители – Филип и Люсиль Эбшир, и ты живешь с ними, с твоей бабушкой, братом Марком и сестрой Алисией в том большом доме на холме.

– Даже если ты это все знаешь, это не значит, что ты из будущего.

– Если немного тут задержишься, то увидишь, как я исчезну.

Думаю, я могу рассчитывать на это, потому что помню, как однажды Клэр рассказывала, что в нашей с ней первой встрече ее больше всего поразило мое исчезновение.

Тишина. Клэр переносит вес тела с одной ноги на другую и отмахивается от комара.

– Ты знаешь Санту?

– Лично? Нет. – Кровь идти перестала, но я, должно быть, выгляжу жутко. – Эй, Клэр, у тебя, случайно, пластыря нет? Или еды? Когда я путешествую во времени, я всегда очень голодный.

Она задумывается на минутку. Лезет в карман джемпера и достает шоколадный батончик «Херши», надкусанный с одной стороны. Бросает его мне.

– Спасибо. Как раз то, что я люблю.

Я ем аккуратно, но очень быстро. Уровень сахара в крови почти никакой. Засовываю обертку в ее пакет.

– Ты ешь, как собака, – приходит в восторг Клэр.

– Неправда! – Я ужасно обижаюсь. – У меня большие пальцы, как у человека, видишь?

– Как это?

– Сделай так. – Я показываю знак «хорошо». Клэр повторяет за мной. – Видишь, если большие пальцы расположены так, то ты человек. Это значит, что ты можешь откручивать крышки у банок, завязывать шнурки на ботинках и делать много чего такого, чего животные не умеют.

Клэр это не понравилось.

– Сестра Кармелита говорит, что у животных нет души.

– Ну конечно, у животных есть душа. Откуда она это взяла?

– Она сказала, что так говорит папа римский.

– Папа – старый дурак. У животных души гораздо тоньше, чем у нас. Они никогда не врут и не надувают друг друга.

– Они едят друг друга.

– Ну да, им приходится друг друга есть. Они не могут пойти в «Дейри-Квин» и купить ванильный рожок с ванильной крошкой, так ведь?

(Это самое любимое лакомство Клэр, но это в детстве. Взрослая Клэр предпочитает суси, особенно суси из «Катсу» на Петерсон-авеню.)

– Они могут есть траву.

– И мы можем, но не едим. Мы едим гамбургеры.

Клэр садится на самый краешек поляны.

– Этта говорит, что нельзя разговаривать с незнакомцами.

– Хороший совет.

Тишина.

– Когда ты исчезнешь?

– Когда соберусь и буду готов. Я тебе надоел? – (Клэр закатывает глаза.) – Над чем ты работаешь?

– Над каллиграфией.

– Можно посмотреть?

Клэр аккуратно поднимается и собирает рассыпанные листки, не сводя с меня злобного взгляда. Осторожно нагибаюсь вперед и протягиваю руку, как будто она ротвейлер. Клэр быстро всовывает мне в руку листки и отскакивает назад. Внимательно рассматриваю их,

как будто она вручила мне кипу оригинальных эскизов Брюса Роджерса для «Кентавра», «Келлскую книгу»¹⁸ или что-то в этом роде. На листах печатными буквами, все крупнее и крупнее, написано: «Клэр Анна Эбшир». Все верхние и нижние завитки букв причудливо извиваются, и в каждом завитке виднеется улыбающаяся рожица. В общем, довольно мило.

– Здорово.

Клэр довольна, как и всегда, получив похвалу за свою работу.

– Я могу и для тебя такое сделать.

– Спасибо. Но мне ничего не разрешается брать с собой, когда я путешествую во времени, поэтому, может, ты сохранишь это для меня, чтобы я смог посмотреть, когда буду здесь?

– Почему ты ничего не можешь забрать?

– Ну подумай сама. Если бы путешественники во времени начали таскать туда-сюда вещи, то очень скоро в мире творился бы жуткий кавардак. Например, я бы мог принести из будущего деньги. Я бы подсмотрел все выигравшие лотерейные билеты и футбольные команды и получил бы мешок денег. Это же нечестно, да? Или, если бы я был вообще нечестным, я мог бы украсть что-нибудь и унести в будущее, чтобы никто меня не поймал.

– Ты мог бы быть пиратом! – При мысли, что я пират, Клэр расцветает, совсем забыв, что я – самый настоящий страшный-ужасный незнакомец. – Ты мог бы закопать деньги, нарисовать карту сокровищ и выкопать их в будущем.

На самом деле отчасти именно таким образом мы с Клэр спонсируем наше рок-н-рольное житье-бытье в будущем. Взрослая Клэр находит это довольно аморальным, хотя некоторое преимущество на бирже мы таким образом получаем.

– Классная идея. Но знаешь, мне нужны не деньги, а одежда.

Клэр недоуменно смотрит на меня.

– У твоего папы есть одежда, которая ему не нужна? Даже старые штаны подойдут. То есть полотенце мне нравится, не пойми меня неправильно, просто там, откуда я, обычно я хожу в штанах.

Филип Эбшир немного ниже меня и фунтов на тридцать тяжелее. Его штаны смотрятся на мне смешно, но неплохо.

– Я не знаю...

– Ничего, это не сейчас, так что не беспокойся. Но если ты принесешь что-нибудь к моему следующему появлению, это будет очень мило с твоей стороны.

– Следующему появлению?

Я беру чистый листок бумаги и карандаш. Пишу печатными буквами: «29 СЕНТЯБРЯ 1977 ГОДА, четверг. ПОСЛЕ ОБЕДА». Вручаю листок Клэр, она осторожно принимает его. У меня в глазах мутнеет. Я слышу, как Этта зовет Клэр домой.

– Это секрет, Клэр, хорошо?

– Почему?

– Не могу сказать. А сейчас мне пора. Было приятно познакомиться. Будь хорошей девочкой.

Я протягиваю ей руку, и она отважно пожимает ее. Когда наши руки соприкасаются, я исчезаю.

¹⁸ *Брюс Роджерс* (1870–1957) – американский книжный и шрифтовой дизайнер, разработал гарнитуру «Кентавр». «Келлская книга» (ок. 800 г.) – одна из наиболее щедро украшенных миниатюрами и орнаментами рукописей Средневековья; содержит четыре Евангелия на латыни, хранится в библиотеке Тринити-колледжа в Дублине.

9 февраля 2000 года, среда (Клэр 28, Генри 36)

КЛЭР: Еще очень рано, около шести утра, и я сплю легким утренним сном, когда с грохотом появляется Генри и будит меня. Я понимаю, что он исчезал ночью. Он материализуется практически верхом на мне, я начинаю орать, и мы до смерти пугаем друг друга, а потом он начинает хохотать и скатывается с меня. Переворачиваюсь к нему лицом и вижу, что у него сильно рассечена губа. Бегу за полотенцем, прикладываю к губе, а Генри все продолжает смеяться.

– Как это случилось?

– Ты кинула в меня ботинок.

– Неправда. – Я не помню, чтобы когда-нибудь кидала чем-то в Генри.

– Правда. Мы встретились в первый раз, и как только ты меня увидела, сказала: «Вот мужчина, который станет моим мужем», и врезала мне ботинком. Я всегда говорил, что ты отлично разбираешься в людях.

29 сентября 1977 года, четверг (Клэр 6, Генри 35)

КЛЭР: На календаре на папином столе этим утром то же число, что и на записке, которую дал мне тот мужчина. Нелли готовила яйца всмятку для Алисии, а Этта кричала на Марка, потому что он не делал домашнюю работу, а кидал летающую тарелку со Стивом. Я сказала: «Этта, можно, я возьму старую одежду из мешков?» – имея в виду мешки на чердаке, с которыми мы играли в переодевания, и Этта спросила: «А зачем?» – а я ответила: «Я хочу поиграть в переодевания с Меган», и Этта разозлилась и сказала: «Уже пора в школу, а об играх будешь думать, когда вернешься обратно». Поэтому я пошла в школу, и мы занимались мучными жучками, рисованием, а после обеда – французским, музыкой и религией. Я весь день беспокоилась насчет штанов для того человека, потому что мне казалось, что они ему ну просто очень нужны. Поэтому когда я вернулась домой, то пошла спросить Этту, но она была в городе, зато Нелли разрешила мне слизать крем с миксера, а Этта бы не разрешила, потому что можно заразиться шмонелезом. А мама писала что-то, и я хотела уйти потихоньку, но она спросила: «Что тебе, детка?» – и я попросила разрешения, и мама сказала, что я могу делать все, что угодно. Поэтому я пошла в прачечную, пошарила в мешках и нашла три пары старых папиных штанов, правда, на одних была дырка от сигареты. Поэтому я взяла две пары штанов, под которыми оказалась белая рубашка, которую папа носит на работу, галстук с рыбками и красный свитер. И еще желтый махровый халат, который папа носил, когда я была маленькой, и он до сих пор пахнет папой. Я сложила все вещи в пакет и отнесла его в кладовку. Когда я оттуда вышла, меня увидел Марк и спросил: «Что ты там делала, дура?» – и я ответила: «Ничего, дурак», тогда он вцепился мне в волосы, а я очень сильно наступила ему на ногу, и он начал плакать и побежал жаловаться. Поэтому я поднялась к себе в комнату и начала играть в телевизор с мистером Медведем и Джейн, она была кинозвездой, а мистер Медведь спрашивал ее, как это – быть звездой, и Джейн отвечала, что на самом деле хотела быть ветеринаром, но она была настолько невероятно красивой, что должна была стать кинозвездой, а мистер Медведь ответил, что она сможет стать ветеринаром, когда постареет. В дверь постучала Этта и спросила: «Почему ты наступила Марку на ногу?» – и я ответила: «Потому что Марк просто так начал меня за волосы дергать». Этта ответила: «Вы мне оба уже надоели» – и ушла. В общем, все было в порядке. Мы пообедали только с Эттой, потому что папа и мама ушли в гости. У нас была жареная курица, немного гороха и шоколадный торт, и Марк взял себе самый боль-

шой кусок, но я ничего не сказала, потому что слизала крем с миксера. Вот, а после обеда я попросила у Этты разрешения поиграть на улице, и она спросила, сделала ли я домашнее задание, и я ответила: «Правописание и принести листья на урок рисования», и она сказала: «Хорошо, но только не до темноты». Поэтому я пошла в комнату, взяла свой голубой свитер с зебрами, пакет с одеждой, вышла из дома и пошла на поляну. Но там человека не было, и я немного посидела на камне, а потом решила пособирать листья. Поэтому я вернулась в сад и нашла несколько листьев с маленького дерева мамы, она потом сказала мне, что оно называется гинкго, и еще кленовых и дубовых листьев. А потом я вернулась на поляну, но там опять никого не было, и я решила: «Наверное, он все придумал, что приходит из будущего, и вообще, штаны ему не так уж и нужны». И еще я подумала, что Рут, наверное, была права, потому что, когда я рассказала ей про него, она сказала, что я все выдумала, потому что в настоящей жизни люди не исчезают, а только по телевизору. Или, может, мне это приснилось, потому что, когда Бастер умер, мне вдруг приснилось, что он живой, сидит в клетке, а потом я проснулась, а Бастера нет, и мама сказала: «Сны и жизнь – это разные вещи, но они тоже важны». Становилось холодно, и я подумала, что, может, мне просто надо пакет оставить, а тот человек сам возьмет себе штаны. Поэтому я встала и пошла к дому по дорожке, когда за спиной у меня раздался шум и кто-то сказал: «О черт, больно-то как». И я так испугалась.

ГЕНРИ: Появившись, я врезаюсь в камень и раздираю колени. Я на поляне, смотрю, как дивно садится за деревья солнце в восхитительном тернеровском¹⁹ спектре оранжевого и красного. На поляне никого нет, я вижу только пакет с одеждой и быстро соображаю, что Клэр оставила его здесь, и, возможно, я появился довольно скоро после нашей с ней первой встречи. Клэр нигде не видно, и я тихо зову ее по имени. Ответа нет. Роюсь в пакете и выживаю пару брюк из хлопчатобумажного твила, великолепные коричневые шерстяные штаны, жуткий галстук с какими-то селедками, гарвардский свитер, белую рубашку с темным кругом под воротником и пятнами от пота под мышками и изысканный шелковый халат с монограммой «Филип» и большой дырой над карманом. Все эти одежки очень хорошо мне знакомы, за исключением галстука, и я счастлив увидеть их. Надеваю брюки из твила и свитер и благословляю Клэр за хороший вкус – по-видимому, наследственный – и чувство цвета. Мне очень хорошо; обуви, правда, нет, а так я вполне готов к существованию в этом отрезке времени.

– Спасибо, Клэр, ты здорово мне помогла, – тихо говорю я.

И с удивлением вижу ее у края поляны. Быстро спускаются сумерки, и Клэр выглядит маленькой и испуганной в темноте.

– Привет.

– Привет, Клэр. Спасибо за одежду. Все просто здорово, очень мило, и сегодня я не замерзну.

– Мне скоро домой пора.

– Конечно, ведь уже почти темно. Сейчас середина недели, да?

– Угу.

– А какое число?

– Двадцать девятое сентября тысяча девятьсот семьдесят седьмого года, четверг.

– Большое спасибо. Ты мне очень помогла.

– А почему ты этого не знаешь?

– Ну, я же только что здесь появился. Несколько минут назад у меня было двадцать седьмое марта двухтысячного года, понедельник. Было утро, шел дождь, и я готовил себе бутерброд.

¹⁹ Джозеф Маллард Уильям Тернер (1775–1851) – британский живописец, мастер романтического пейзажа, предтеча французских импрессионистов.

– Но ты мне написал на бумажке. – Она достает бланк офиса Филипа и протягивает мне. Подхожу к ней, беру листок и с интересом вижу дату, выведенную своей рукой старательными печатными буквами. Задумываюсь, как бы получше объяснить причуды путешествий во времени маленькому ребенку, которым на данный момент является Клэр.

– Ну смотри... Ты знаешь, как пользоваться магнитофоном?

– Угу.

– Хорошо. Ты вставляешь кассету, и она играет с начала и до конца, так?

– Да...

– Твоя жизнь – то же самое. Ты утром встаешь, идешь завтракать, чистишь зубы и идешь в школу, так? Ведь не бывает такого, чтобы ты вдруг проснулась и увидела, что ты в школе на обеде с Хелен и Рут, а потом вдруг оказываешься дома и начинаешь одеваться?

– Правильно, – хихикает Клэр.

– Ну а у меня все не так. Потому что я путешественник во времени, и я постоянно прыгаю то в одно время, то в другое. Вот если ты поставила кассету с начала, и она начинает играть, а потом ты говоришь: «Ой, я хочу эту песню еще раз послушать», то ставишь ее опять, а потом ты хочешь перемотать на следующую песню, но случайно проматываешь слишком много, так что потом перематываешь назад, но вдруг опять попадаешь не туда. Понятно?

– Вроде да.

– Это, конечно, не самая лучшая аналогия. В общем, иногда я теряюсь во времени и не знаю, где и когда я появился.

– А что такое аналогия?

– Это когда пытаешься что-то объяснить, но вместо этого говоришь что-то другое. Например, мне сейчас в этой одежде тепло и уютно, как мышке в норке, а ты красивая как картинка, а Этта будет злая как волк, если ты быстренько не окажешься дома.

– А ты будешь тут спать? Пойдем в дом, у нас есть комната для гостей.

– Боже, это очень мило с твоей стороны. К сожалению, мне нельзя с твоей семьей встречаться до девяносто первого года.

Кажется, Клэр запуталась. Думаю, отчасти проблема в том, что она не представляет себе дат позднее семидесятых годов. Помнится, в ее возрасте со мной было то же самое, только насчет шестидесятых.

– А почему нет?

– Это одно из правил. Люди, которые путешествуют во времени, не должны общаться с обычными людьми во время своих путешествий, потому что иначе все жутко запутается.

На самом деле я так не думаю; все случается так, как должно случиться, раз и навсегда. В развилки и параллельные вселенные я не верю.

– Но со мной ты разговариваешь.

– Ты особенная. Ты храбрая, умная и умеешь хранить секреты.

– Я сказала Рут, а она мне не поверила, – смущается Клэр.

– О, ну не беспокойся. Мне тоже очень мало кто верил. Особенно врачи. Врачи ни во что не верят, пока им не докажешь.

– Я тебе верю.

Клэр стоит в пяти футах от меня. На ее маленьком бледном личике отражается последний оранжевый всплеск заката. Волосы туго завязаны в хвост, на ней голубые джинсы и темный свитер, по которому скачут зебры. Кулачки сжаты, она выглядит решительной и свирепой. Я грустно думаю, что наша дочь выглядела бы точно так же.

– Спасибо, Клэр.

– Мне пора идти.

– Это точно.

– Ты вернешься?

Я мысленно прокручиваю список.

– Я вернусь шестнадцатого октября. Это пятница²⁰. Приходи сюда после школы. И принеси голубой дневник, который тебе Меган подарила на день рождения, и синюю шариковую ручку.

Я повторяю дату, глядя на Клэр и убеждаясь, что она запомнила.

– *Au revoir*²¹, Клэр.

– *Au revoir*...

– Генри.

– *Au revoir*, Генри. – У нее уже сейчас произношение лучше, чем у меня.

Клэр поворачивается и убегает в объятия освещенного и зовущего дома, а я возвращаюсь в темноту и отправляюсь бродить по окрестностям. Позднее этим вечером я выбрасываю галстук в мусорный бак за рыбной закуской «У Дины».

²⁰ Вообще-то, 16 октября 1977 года было воскресенье.

²¹ До свидания (*фр.*).

Уроки выживания

**7 июня 1973 года, четверг
(Генри 27 и 9)**

ГЕНРИ: Я стою через дорогу от Чикагского института искусств солнечным июньским днем 1973 года в компании девятилетнего себя. Он пришел сюда из будущей среды; я пришел из 1990 года. Мы целый день и вечер развлекались как хотели и вот пришли к одному из лучших музеев мира, чтобы научиться карманным кражам.

– А может, просто посмотрим картину? – умоляет Генри.

Он нервничает. Он раньше никогда такого не делал.

– Нет. Тебе нужно этому научиться. Как ты собираешься выжить, если ничего не сможешь украсть?

– Буду милостыню просить.

– Прямой путь в тюрьму. Итак, слушай: когда мы туда попадем, я хочу, чтобы ты держался в стороне, мы притворимся, что друг друга не знаем. Но не отходи далеко, смотри, что я буду делать. Если я тебе что-нибудь отдам, смотри не урони, положи в карман как можно быстрее. Понял?

– Понял. Мы на святого Георгия посмотрим?

– Конечно.

Мы переходим Мичиган-авеню, идем мимо студентов и домохозяек, греющихся на ступенях музея. Проходя мимо бронзового льва, Генри дотрагивается до его морды.

Мне довольно-таки плохо от всего этого. С одной стороны, я учу самого себя необходимым для выживания вещам. Другие уроки из этого курса включают кражу в магазинах, избивание людей, взлом замков, лазанье по деревьям, вождение машины, проникновение в дома и умение использовать странные вещи типа жалюзи и крышек от мусорных ведер в виде оружия. С другой стороны, я совращаю самого себя в детстве. Со вздохом понимаю, что кто-то должен это сделать.

Сегодня праздник, поэтому людей полным-полно. Мы стоим в очереди, движемся ко входу и медленно поднимаемся по центральной лестнице. Входим в Европейскую галерею и проходим от Нидерландов семнадцатого века к Испании пятнадцатого. Святой Георгий, как и всегда, вскинул свое тонкое копье, готовый пронзить дракона, а розовая с зеленым принцесса скромно ждет на среднем плане. Мы с моим вторым «я» всем сердцем любим желтопузого дракона и всегда рады видеть, что момент его ужасной смерти еще не настал.

Пять минут стоим перед картиной Бернардо Марторелла²², и потом Генри поворачивается ко мне. Мы сейчас одни в галерее.

– Это не так уж трудно, – говорю я. – Будь внимателен. Найди какого-нибудь растяпу. Выясни, где у него бумажник. У большинства мужчин он или в заднем кармане, или во внутреннем кармане пиджака. У женщин – в сумочке за спиной. Если ты на улице, можешь схватить сумочку целиком, но тогда тебе сначала нужно убедиться, что вокруг нет никого, от кого ты не смог бы сбежать. Гораздо лучше, если ты возьмешь то, что нужно, не привлекая внимания.

– Я видел в кино, что мальчишки тренировались на костюме с маленькими колокольчиками, и, если они дотрагивались до костюма, колокольчики начинали звенеть.

²² *Бернардо Марторелл* (ум. 1452) – художник из Барселоны. Его «Битва святого Георгия со змием» (центральная часть триптиха) выставлена в Чикагском институте искусств, боковые створки – в парижском Лувре.

– Да, я помню этот фильм²³. Можешь дома попробовать. А теперь пойдем.

Я веду Генри из пятнадцатого в девятнадцатый век; и вдруг мы оказываемся посреди французских импрессионистов. Институт искусств знаменит своей коллекцией импрессионистов. Я к ним довольно равнодушен, но эти залы, как всегда, набиты под завязку людьми, страдающими приобщиться к «Воскресной прогулке на острове Гранд-Жатт»²⁴ или «Стогу сена» Моне. Генри слишком маленький, чтобы видеть картины за спинами взрослых, но сейчас он в любом случае слишком нервничает, чтобы смотреть на них. Я осматриваю зал. Женщина наклонилась над коляской, в которой пищит и вертится ребенок. Наверно, ему пора спать. Киваю Генри и иду к ней. У нее сумочка на одной застежке, болтается за спиной. Она полностью сосредоточена на том, чтобы заставить ребенка утихнуть. Стоит напротив «Мулен-Руж» Тулуз-Лотрека. Я делаю вид, что смотрю на картину, вроде бы случайно толкаю ее, заставляя качнуться вперед, хватаю за руку: «Простите, мне так жаль, я не смотрел, куда шел. Вы в порядке? Здесь так много народу...» Моя рука в ее сумочке, она взволнована, у нее темные глаза, длинные волосы, большая грудь, она пытается сбросить вес, набранный в период беременности. Я ловлю ее взгляд, вытаскиваю кошелек, продолжаю извиняться, когда кошелек проскальзывает в карман рукава, смотрю на нее сверху вниз, улыбаюсь, отхожу от нее, поворачиваюсь и ухожу, оглядываясь через плечо. Она взяла на руки ребенка и потерянно смотрит мне вслед. Я улыбаюсь и ухожу. Генри идет за мной, когда я спускаюсь по лестнице к молодежному музею. Мы встречаемся у мужского туалета.

– Странно, – говорит Генри. – Почему она так на тебя смотрела?

– Она... одинокая, – дипломатично отвечаю я. – Может быть, ее муж нечасто бывает дома.

Мы заходим в кабинку, и я вынимаю бумажник. Ее зовут Дениз Рэдк. Она живет в Вилла-Парке, Иллинойс. Сотрудник музея и выпускница Университета Рузвельта. В кошельке двадцать два доллара и мелочь. Я показываю это Генри, ничего не говоря, кладу все обратно в кошелек и отдаю ему. Мы выходим из кабинки, из туалета, назад ко входу в музей.

– Отдай охраннику. Скажи, что нашел на полу.

– Почему?

– Нам это не нужно, я просто показывал, как это делается.

Генри бежит к охраннице, пожилой чернокожей женщине, которая улыбается и вроде приобнимает Генри. Он медленно возвращается, мы идем на некотором расстоянии друг от друга, я впереди, по длинному темному коридору, который когда-то в будущем разместит выставку декоративного искусства и приведет к новому крылу музея, не существующему пока даже в проекте, а сейчас тут висят постеры. Я ищу легкую добычу, и прямо передо мной стоит просто мечта карманного вора. Невысокий, коренастый, загорелый; ощущение такое, что он в своей бейсболке, штанах из полиэфира и голубой рубашке с короткими рукавами просто завернул не туда со стадиона «Ригли-филд». Он стоит и просвещает невзрачную девчонку насчет Винсента Ван Гога.

– И он отрезает свое ухо и отдает своей подруге – эй, а тебе бы такой подарок понравился? Ухо! Да уж. И они заперли его в психушке...

Насчет этого типа у меня никаких колебаний нет. Он важно вышагивает, изрекая глупости, блаженно не ведая о моем присутствии, бумажник у него лежит в заднем кармане. У него большое брюшко, но зада почти нет, и бумажник просто кричит мне: «Возьми меня!» Я завишаю у них за спиной. Генри ясно видит, как я ловко засовываю большой и указательный пальцы

²³ Имеется в виду «Оливер!» (1968) – получивший несколько «Оскаров» мюзикл Кэрола Рида по роману Диккенса «Оливер Твист».

²⁴ Картина Жоржа Сёра.

в оттопыренный карман и высвобождаю бумажник. Отхожу назад, они идут дальше, я передаю бумажник Генри, и он засовывает его в карман брюк.

Я показываю Генри и другие штуки: как достать бумажник из внутреннего кармана пиджака, как заслонить свою руку, когда она внутри женской сумочки, шесть разных приемов отвлечь человека, пока вытаскиваешь у него кошелек, как забрать кошелек из заднего кармана, как непринужденно заставить человека показать, где у него лежат деньги. Теперь он выглядит спокойнее и даже начинает получать удовольствие.

Наконец я говорю:

– Ну, теперь твоя очередь.

– Я не могу, – жутко пугается он.

– Конечно можешь. Оглядишься. Выбери кого-нибудь.

Мы стоим в комнате с японскими гравюрами. Здесь полно пожилых дам.

– Не здесь.

– Хорошо. А где?

– В ресторане? – подумав, решает он.

Не спеша идем в ресторан. Я очень живо помню этот момент, свой ужас. Смотрю на самого себя – и точно, он белый от ужаса. Улыбаюсь, поскольку знаю, что будет дальше. Мы пристраиваемся в очередь в ресторан. Генри оглядывается, выискивая.

Перед нами в очереди стоит очень высокий мужчина среднего возраста в превосходно скроенном коричневом легком костюме; по нему невозможно угадать, где у него бумажник. Генри подходит к этому человеку, держа на вытянутой руке один из вытасканных мною ранее кошельков.

– Сэр? Это ваш? – тихо спрашивает Генри. – Он лежал на полу.

– Что? А, нет, это не мой. – Он проверяет правый задний карман брюк, нащупывает свой бумажник, наклоняется к Генри, берет у него кошелек и открывает. – О, ну, думаю, тебе нужно отдать его охраннику, да... тут довольно много денег.

Он в очках с толстыми линзами, смотрит на Генри через них, пока тот залезает в его задний карман и вытаскивает бумажник. Поскольку на Генри футболка с коротким рукавом, я подхожу к нему, он передает мне свою добычу. Высокий худой мужчина в коричневом костюме указывает на лестницу, объясняя Генри, как вернуть находку. Генри неспешно идет туда, я иду следом, обгоняю Генри и веду его прямо через музей к выходу, мимо охраны, выходим на Мичиган-авеню и отправляемся в южном направлении. И вот мы, ухмыляясь, как дьяволята, оказываемся в кафе «У художника», где на нетрудовые доходы угощаемся молочными коктейлями и жареной картошкой. После этого выкидываем в почтовый ящик бумажники, подсчитываем деньги, и я снимаю нам комнату в «Палмер-Хаус».

– Ну? – спрашиваю я, садясь на краешек ванны и глядя, как Генри чистит зубы.

– Шо у? – отвечает Генри с полным ртом пасты.

– Что ты думаешь?

– Насчет чего?

– Карманных краж.

– Нормально, – говорит он, глядя на меня в зеркало. Поворачивается и смотрит прямо на меня, широко улыбается, заявляя: – Я это сделал!

– Ты просто молодчина!

– Да! – Улыбка гаснет. – Генри, мне не нравится путешествовать во времени одному. С тобой лучше. Ты не можешь всегда быть со мной?

Он стоит ко мне спиной, и мы смотрим друг на друга через зеркало. Бедный маленький я: в этом возрасте у меня спина худая, лопатки торчат, как прорезающиеся крылья. Он поворачивается, ожидая ответа, и я знаю, что должен сказать ему, сказать себе. Протягиваю руку, осторожно поворачиваю его, ставлю рядом с собой: бок к боку, одного роста, мы смотрим в зеркало.

– Посмотри.

Мы изучаем свои отражения, мы как близнецы, отразившиеся в украшенном позолотой гостиничном зеркале. У обоих темные волосы, одинаковый разрез темных глаз и одинаковые круги под глазами, мы одинаково говорим и слышим одинаковыми ушами. Я выше, мускулистее и побрит. Он тоньше, нескладный, одни колени и локти. Я поднимаю руку и убираю со лба волосы, обнажая шрам, полученный в аварии. Бессознательно он повторяет мой жест, дотрагиваясь до своего шрама на собственном лбу.

– Такой же, как у меня, – пораженный, говорит мой другой «я». – Откуда он у тебя?

– Оттуда же, откуда и у тебя. Они одинаковые. Мы одинаковые.

Момент истины. Сначала я не понимал, и вдруг – вот оно, я просто взял и понял. Смотрю, как это происходит. Я смотрю на нас обоих одновременно, снова испытывая это ощущение потери самого себя, впервые понимаю совмещение будущего и настоящего. Но я слишком привык к этому, для меня это более чем нормально, и я остаюсь в стороне, вспоминая удивление девятилетнего себя, когда я внезапно увидел, узнал, что мой друг, учитель, брат – это я. Я и только я. Одиночество.

– Ты – это я.

– Только старше.

– Но... как же другие?

– Путешественники во времени?

Он кивает.

– Не знаю, есть ли другие. В смысле, я их никогда не встречал.

В уголке моего левого глаза набухает слеза. Когда я был маленьким, то воображал, что есть целое сообщество путешественников во времени и Генри, мой учитель, – посланец, отправленный учить меня, чтобы потом я мог быть принят в это сообщество. Я по-прежнему чувствую себя отверженным, последней особью когда-то многочисленного вида. Как будто Робинзон Крузо нашел обманчивый след на песке, а потом понял, что след его собственный. Другой я, маленький, как листок на ветру, прозрачный, как вода, начинает плакать. Я обнимаю его, обнимаю себя, и мы сидим долго-долго.

Позднее мы заказываем в номер горячий шоколад и смотрим Джонни Карсона²⁵. Генри засыпает при включенном свете. После того как программа заканчивается, я смотрю на него, а его нет, он вернулся в мою детскую комнату в квартире отца, сонный стоит у моей детской кровати, падает в нее. Выключаю телевизор и свет. Шум улиц 1973 года влетает через окно. Хочу домой. Лежу на жесткой гостиничной кровати, один. И по-прежнему не понимаю.

10 декабря 1978 года, воскресенье (Генри 15 и 15)

ГЕНРИ: Я в своей спальне со своим другим «я». Он пришел из будущего марта. Мы занимаемся тем, чем обычно занимаемся, когда остаемся одни. На улице холодно, мы оба достигли половой зрелости, но с девчонками пока еще ничего не пробовали. Думаю, этим занималось бы большинство людей, если бы у них были такие же возможности, как у меня. Но не подумайте, я не гей, ничего подобного.

Позднее воскресное утро. Слышу, как в церкви Святого Иосифа звонят колокола. Вчера отец пришел домой поздно; думаю, после концерта он завис в баре; он был так пьян, когда вернулся, что упал на лестнице, и мне пришлось втаскивать его в комнату и на кровать. Я слышу, как он, кашляя, возится в кухне.

²⁵ *Джонни Карсон* (1925–2005) – вел в 1962–1992 гг. сверхпопулярную телепередачу «Сегодня вечером с Джонни Карсоном».

Мой другой «я», кажется, нервничает, он постоянно посматривает на дверь.

– Что? – спрашиваю я его.

– Ничего, – отвечает он.

Я встаю и запираю дверь.

– *Нет*, – шепчет он. Кажется, ему трудно говорить.

– Да ладно тебе, – отвечаю я.

Я слышу тяжелые шаги отца прямо под дверью.

– Генри? – спрашивает он, и дверная ручка медленно поворачивается.

Внезапно понимаю, что случайно *отпер* замок, Генри кидается к нему, но поздно: отец просовывает голову в дверь – и застаёт нас, так сказать, с поличным.

– Господи, – выдыхает он. Глаза у него расширяются, на лице неопишное отвращение. – Господи, Генри.

Он захлопывает дверь, я слышу, как он возвращается в свою комнату. Бросаю на себя укоризненный взгляд, натягивая джинсы и футболку. Иду через коридор в спальню отца. Дверь закрыта. Стучу. Ответа нет. Жду.

– Папа?

Тишина. Открываю дверь и встаю на пороге.

– Папа?

Он сидит спиной ко мне на кровати. Он не шевелится; я какое-то время стою на пороге, но не могу заставить себя войти в комнату. Наконец захлопываю дверь и иду к себе.

– Это была только твоя ошибка, только твоя, – сурово выговариваю я своему другому «я».

На нем джинсы, он сидит на стуле, сжав голову руками.

– Ты знал, *ты знал*, что это случится, и не сказал ни слова. Где твое чувство самосохранения? Что, *черт тебя возьми*, с тобой случилось? Какой смысл знать будущее, если не можешь защитить себя хотя бы от таких мелких унижительных вещей...

– Заткнись, – бурчит Генри. – Просто заткнись.

– Я *не заткнусь!* – срываюсь я на крик. – Ты понимаешь, тебе нужно было просто сказать...

– Послушай, – покаянно смотрит он на меня. – Это было как... как тогда, на катке.

– О черт!

Пару лет назад я увидел, как в Индиан-Хед-парке маленькой девочке попало в голову хоккейной шайбой. Это было ужасно. Позднее я узнал, что девочка умерла в больнице. И потом начал возвращаться в тот день, снова и снова, хотел предупредить ее маму – и *не мог*. Я как будто был зрителем в кино или привидением. Я кричал: «Нет, заберите ее домой, не позволяйте ей кататься, заберите ее, она ушибется, она умрет!» – и понимал, что эти слова были только в моей голове, и все шло, как и раньше.

– Ты говоришь об изменении будущего, – говорит Генри, – но для меня это прошлое, и, насколько я знаю, с этим ничего нельзя сделать. В смысле, я устал, и вообще, я пытался, и поэтому все так и вышло. Если бы я что-то не сказал, ты бы не встал...

– А зачем ты что-то сказал?

– Потому что так надо. И ты тоже так сделаешь, вот увидишь. – Он пожимает плечами. – Это как с мамой. Несчастный случай. *Immer wieder*²⁶. Снова и снова, постоянно одно и то же.

– А свобода выбора?

Он встает, подходит к окну и стоит, глядя на задний двор Татингеров.

– Я разговаривал об этом только что с собой из девяносто второго года. Он рассказал кое-что интересное: мол, как он думает, когда ты в настоящем, во времени, есть только свобода

²⁶ Снова и снова (*нем.*).

выбора. Он говорит, что в прошлом мы можем только то, что уже сделали, и если мы оказываемся там, по-другому быть не может.

– Но где бы я ни был, это мое настоящее. Разве я не могу решать...

– Нет. Видно, нет.

– А что он сказал о будущем?

– Ну, давай подумаем. Ты идешь в будущее, что-то делаешь и возвращаешься в настоящее. Тогда то, что ты сделал, – это часть твоего прошлого. Возможно, это тоже неизбежно.

Я чувствую дикое сочетание свободы и отчаяния. Я вспотел; он открывает окно, и в комнату влетает холодный воздух.

– Но тогда я не отвечаю ни за что, что сделал не в своем настоящем.

– Ну наконец-то, – улыбается он.

– И все это уже случилось.

– Да, что-то в этом роде.

Он проводит руками по лицу, и я вижу, что ему пора начинать бриться.

– Но он сказал, что ты должен *вести себя* так, как будто у тебя есть эта свобода выбора, как будто ты ответствен за происходящее.

– Почему? Разве это имеет значение?

– Очевидно, если ты делаешь по-другому, все будет плохо. И неправильно.

– Он это на своем опыте знал?

– Да.

– И что произойдет дальше?

– Отец не будет разговаривать с тобой три недели. И это, – он указывает рукой на кровать, – это придется прекратить.

– Хорошо, – вздыхаю я. – Что-нибудь еще?

– Вивиан Теска.

Вивиан – это девушка из математического класса, о которой я постоянно думаю. Я ни разу с ней и словом не обмолвился.

– Завтра после урока подойди к ней и пригласи на свидание.

– Я ее даже не знаю.

– Поверь мне.

Он улыбается так, что я задумываюсь, почему, черт возьми, я должен ему верить, но верить хочется, и я соглашаюсь.

– Мне пора. Денег дай.

Я протягиваю ему двадцать долларов.

– Еще.

Я даю еще двадцатку.

– Больше нет.

– Ладно.

Он одевается, выбирая вещи, против исчезновения которых я бы не возражал.

– Пальто возьмешь?

Я протягиваю ему перуанский лыжный свитер, который всегда ненавидел. Он корчит гримасу и надевает его.

Мы идем к задней двери квартиры. Церковные колокола звонят полдень.

– Пока, – говорит другой «я».

– Удачи, – говорю я в ответ, странно тронутый видом себя, уходящего в неизвестное, в холодное воскресное чикагское утро, чужое и незнакомое.

Он топает по деревянным ступеням, а я возвращаюсь в тихую квартиру.

17 ноября 1982 года, среда / 28 сентября 1982 года, вторник (Генри 19)

ГЕНРИ: Я на заднем сиденье в полицейской машине в Сионе, Иллинойс. На мне наручники и ничего больше. Внутри машина вся провоняла табаком, кожей, потом и еще каким-то запахом, который разобрать не могу, но он присущ именно полицейским машинам. Запах дикого страха, я думаю. Левый глаз у меня заплыл и не видит, грудь в синяках, порезах и грязи из-за того, что один из двух полицейских, тот, который поздоровее, в броске сшиб меня с ног на асфальте, усеянном битым стеклом. Полицейские стоят рядом с машиной и разговаривают с соседями, по крайней мере один из которых точно видел, как я пытался вломиться в белый с желтым викторианский дом, рядом с которым мы припаркованы. Я не знаю, в каком времени очутился. Я здесь около часа и напортачил по полной. Я очень голоден. Очень. Я сейчас должен быть на семинаре доктора Куэри по Шекспиру, но уверен, что я его уже пропустил. Плохо. Мы разбираем «Сон в летнюю ночь».

К плюсам ситуации можно отнести то, что в машине тепло и я не в Чикаго. Чикагские копы ненавидят меня, потому что я постоянно исчезаю, находясь в заключении, и они не могут понять как. А еще я отказываюсь с ними разговаривать, поэтому они так и не выяснили ни кто я, ни где живу. В тот день, когда они это выяснят, мне крышка, потому что на меня есть несколько просроченных ордеров на арест: проникновение в частную собственность, магазинная кража, сопротивление при аресте, побег из-под ареста, нарушение чужого права владения, непристойное обнажение в общественном месте, ограбление *und so weiter*²⁷. Из этого списка становится понятно, что я ужасно нелепый преступник, но самая главная проблема в том, что без одежды трудно оставаться неприметным. Рассчитывать можно лишь на скрытность и скорость, но когда я, абсолютно голый, пытаюсь вломиться в дом посреди бела дня, это не всегда срабатывает. Семь раз меня арестовывали, и пока мне удавалось исчезнуть до того, как они успевали взять у меня отпечатки пальцев или сфотографировать.

Соседи продолжают таращиться на меня через стекла полицейской машины. Мне все равно. Мне все равно. Это слишком затянулось. Черт, как я это ненавижу. Откидываюсь на сиденье и закрываю глаза.

Дверца машины распаивается. Холодный воздух обжигает, глаза у меня резко открываются, на секунду я вижу металлическую решетку, отделяющую переднее сиденье машины от заднего, потрескавшиеся виниловые чехлы, свои руки в наручниках, голые ноги в мурашках, в лобовом стекле плоское небо, черную фуражку с козырьком на приборной доске, папку в руках у офицера, его красное лицо, спутанные седеющие брови и обвисшие брыли – все скользит, переливается, окрашивается в радужные цвета. Полицейский говорит: «Эй, у него приступ, что ли?» У меня сильно стучат зубы, и вдруг полицейская машина исчезает перед моими глазами, и я лежу на спине в собственном заднем дворике. Да. Да! Полной грудью вдыхаю сладкий сентябрьский ночной воздух. Сажусь, растираю запястья, все еще хранящие отметины от наручников.

Я смеюсь и не могу остановиться. Я снова сделал это! Гудини, Просперо²⁸, признайте меня! Потому что я тоже волшебник.

Накатывает приступ тошноты, и я выплевываю желчь на хризантемы Кимми.

²⁷ И так далее (нем.).

²⁸ Гарри Гудини (1874–1926) – знаменитый американский фокусник. Просперо – маг, герой «Бури» Шекспира.

14 мая 1983 года, воскресенье (Клэр 11, почти 12)

КЛЭР: Сегодня день рождения Мэри Кристины Хепворт, и все девочки-пятиклассницы из школы Сент-Бэзил ночуют в ее доме. У нас пицца, кола и фруктовый салат на ужин, и миссис Хепворт приготовила большой торт в форме головы единорога со словами «С днем рождения, Мэри Кристина!» из красной глазури, и мы поем, Мэри Кристина задувает все двенадцать свечек за один раз. Я, кажется, знаю, что за желание она загадала; думаю, она загадала больше не расти. По крайней мере, будь я на ее месте, именно этого бы и пожелала. Мэри Кристина самая высокая в нашем классе. В ней пять футов девять дюймов. Мама чуть ее пониже, а папа у нее очень, очень высокий. Однажды Хелен спросила Мэри Кристину, сколько в нем, и та ответила, что шесть футов семь дюймов. Она единственная девочка в семье, и все ее братья старше и уже бреются, и они тоже очень высокие. Они нарочно нас не замечают и едят много торта, а Пэтти и Рут нарочно громко хихикают, когда кто-нибудь из них проходит мимо. Так стыдно. Мэри Кристина открывает подарки. Я подарила ей зеленый свитер, такой же, как мой голубой, который ей нравится, с хитро вывязанным воротником, от Лауры Эшли. После ужина мы смотрим «Ловушку для родителей» по видеку, а Мэри-Кристинины ходят вокруг нас, потом мы все по очереди надеваем пижамы в ванной комнате на втором этаже и заходим в спальню Мэри Кристины, от пола до потолка розового цвета, даже ковер во всю стену розовый. Сразу понятно, что родители Мэри Кристины были жутко рады наконец-то получить девочку после всех ее братьев. Мы все принесли с собой спальные мешки, но побросали их в углу и рассаживаемся на кровати и на полу в комнате. Нэнси принесла бутылку мятного шнапса, и мы пьем по глоточку. Вкус ужасный, как будто еж в горле застрял. Мы играем в «Правда-неправда». Рут заставляет Венди пробежаться по коридору без курточки от пижамы. Венди заставляет Фрэнси сказать, какой размер лифчика у Лекси, ее семнадцатилетней сестры (ответ: 38D). Фрэнси просит Гейл сказать, что она с Майклом Платтнером делала в прошлую субботу в «Дейри-Квин» (ответ: ели мороженое. Ну да, как же). Через какое-то время всем «Правда-неправда» надоедает, в основном потому, что становится трудно придумать хорошие задания, которые можно выполнить, и потому, что мы знаем друг про друга все, что только можно, ведь мы ходим вместе в школу с самого детского сада. Мэри Кристина говорит: «Давайте достанем гадальную планшетку», и все соглашаются, потому что это ее вечеринка и потому что это просто классное занятие. Она достает планшетку из шкафа. Планшетка вся помятая, и на маленькой пластиковой штуке, которая показывает на буквы, нет пластикового окна. Однажды Генри сказал мне, что ходил на спиритический сеанс, и посреди него у медиума случился приступ аппендицита, и пришлось вызывать ей «скорую помощь». Планшетка довольно маленькая, и играть могут только двое. Поэтому Мэри Кристина и Хелен начинают. Правило такое, что вопрос нужно говорить вслух, а то не получится. Они обе кладут пальцы на планшетку. Хелен смотрит на Мэри Кристину, которая колеблется, и Нэнси говорит: «Спроси про Бобби», поэтому Мэри Кристина спрашивает: «Я нравлюсь Бобби Дикслеру?» Все хихикают. Правильный ответ – нет, но планшетка говорит *да*, потому что Хелен ее немного подталкивает. Мэри Кристина так широко улыбается, что я вижу пластинки на ее зубах, и верхних и нижних. Хелен спрашивает, нравится ли она какому-нибудь мальчику. Планшетка какое-то время крутится и потом останавливается на буквах Д, Э, В. «Дэвид Ханей?» – спрашивает Пэтти, и все смеются. Дейв – единственный темнокожий в нашем классе. Он ужасно застенчивый, маленький и хорошо знает математику. «Может, он поможет тебе с делением столбиком?» – говорит Лаура, тоже очень стеснительная. Хелен смеется. Она в математике ничего не понимает. «Эй, Клэр, попробуй ты с Рут». Мы занимаем места Хелен и Мэри Кристины. Рут смотрит на меня, я пожимаю в ответ плечами. «Я не знаю, что спрашивать», –

говорю я. Все хихикают: разве есть много вариантов? Но я хочу знать так много: с мамой все будет в порядке? Почему сегодня утром папа кричал на Этту? Генри – он настоящий? Куда Марк спрятал мою домашнюю работу по французскому? Рут спрашивает: «Какому мальчику нравится Клэр?» Я кидаю на нее злобный взгляд, но она только улыбается: «Не хочешь знать?» – «Нет», – отвечаю я, но все равно кладу пальцы на планшетку. Рут тоже кладет пальцы, но планшетка не движется. Мы обе слегка дотрагиваемся до нее, стараясь не нарушать правила и не подталкивать. Потом планшетка медленно начинает двигаться. Описывает круги и потом останавливается на Г. Набирает скорость, появляются буквы Е, Н, Р, И. «Генри, – говорит Мэри Кристина. – Кто такой Генри?» Хелен говорит: «Не знаю, конечно, но ты покраснела. Клэр, кто такой Генри?» Я мотаю головой, как будто для меня это тоже загадка. «Спроси ты, Рут». Она (вот удивительно) спрашивает, кому нравится; появляются буквы Р, И, К. Я чувствую, что она подталкивает доску. Рик – это мистер Малоун, наш учитель точных наук, которому нравится мисс Энгл, учительница английского. Мы с Рут встаем, и Лаура с Нэнси занимают наши места. Нэнси сидит ко мне спиной, и я не вижу ее лица, когда она произносит: «Кто такой Генри?» Все смотрят на меня, становится очень тихо. Я смотрю на планшетку. Ничего. Только я решаю, что спасена, как планшетка начинает вращаться. Может, опять скажет «Генри»? Ничего страшного, Лаура и Нэнси вообще ничего про него не знают. Даже я почти ничего про него не знаю. Появляются буквы М, У, Ж. Все смотрят на меня. «Я не замужем. Мне ведь всего *одинадцать*». – «Но кто такой Генри?» – удивляется Лаура. «Не знаю. Может быть, кто-то, кого я еще не встретила». Она кивает. Все в шоке. Я сама в шоке. Муж? *Муж?*

12 апреля 1984 года, четверг (Генри 36, Клэр 12)

ГЕНРИ: Мы с Клэр играем в шахматы на лужайке в лесу. Прекрасный весенний день, в лесу поют птицы, ухаживают друг за дружкой, вьют гнезда. Мы уходим подальше от семьи Клэр, которая в этот день дома, неподалеку. Клэр какое-то время раздумывает над своим ходом; я взял ее ферзя три хода назад, и она понимает, что проиграла, но намерена продолжать битву.

- Генри, кто твой любимый «битл»? – поднимает она глаза.
- Джон, конечно.
- Почему «конечно»?
- Ну, Ринго тоже ничего, но он какой-то вялый, да? А Джордж немного слишком «ню-эйджевый», на мой вкус.
- Что такое «ню-эйдж»?
- Странные религии. Сладкая, скучная музыка. Жалкие попытки убедить себя в превосходстве всего индийского. Не западная медицина.
- Но тебе не нравится традиционная медицина.
- Это потому, что врачи все время пытаются убедить меня, что я ненормальный. Если бы я сломал руку, то стал бы большим поклонником западной медицины.
- А как насчет Пола?
- Пол – для девчонок.
- Мне Пол больше всего нравится, – застенчиво улыбается Клэр.
- Ну, ты же девочка.
- А почему Пол для девочек?
- «Будь осторожен», – говорю я себе.
- Ну, знаешь... Пол – он, ну, милый «битл», да?
- Это плохо?

– Нет, вовсе нет. Но парням больше интересны те, кто крутые, и Джон – это крутой «битл».

– Да. Но он умер.

– Можно оставаться крутым даже после смерти, – смеюсь я. – На самом деле это гораздо легче, потому что не состаришься, не растолстеешь и не облысеешь.

Клэр напевает начало песни «Когда мне будет шестьдесят четыре». Двигает на пять клеток вперед свою ладью. Я могу сделать мат, говорю ей об этом, и она торопливо убирает ее на место.

– Ну и почему тебе Пол нравится? – спрашиваю я, поднимая голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как ужасно она покраснела.

– Он такой... *красивый*, – отвечает Клэр.

То, как она это говорит, заставляет меня задуматься. Я смотрю на доску, и до меня доходит, что, если Клэр сейчас возьмет моего слона своим конем, она выиграет. Задумываюсь, говорить ей или нет. Если бы она была немного помладше, сказал бы. Двенадцать лет – это возраст, когда уже нужно решать самой. Клэр задумчиво смотрит на доску. До меня доходит, что я ревную. Господи! Я не верю, что ревную к чудаку-мультимиллионеру, рок-звезде, который Клэр в отцы годится.

– Да уж, – говорю я.

– Кто тебе нравится? – озорно улыбается Клэр, глядя на меня.

«Ты», – думаю я, но вслух не говорю.

– В смысле, когда я был в твоём возрасте?

– Ну да. А когда ты был в моём возрасте?

Я прикидываю ценность этой информации и возможные последствия, прежде чем все-таки расколотся:

– Мне было двенадцать в семьдесят пятом году. Я тебя на восемь лет старше.

– Значит, тебе двадцать?

– Нет, вообще-то, мне тридцать шесть, я тебе в отцы гожусь.

Клэр хмурит брови. В математике она не сильна:

– Но если тебе было двенадцать в семьдесят пятом...

– А, извини. Ты права. В смысле, самому мне тридцать шесть, но где-то там, – я машу рукой в южном направлении, – мне двадцать. В настоящем времени.

Клэр пытается переварить эту новость:

– Значит, тебя два?

– Не совсем. Есть только один я, но когда я путешествую во времени, то иногда попадаю туда, где я уже есть, и – да, тогда получается, что нас двое. Или больше.

– А почему я больше чем одного тебя не видела?

– Увидишь. Когда мы с тобой встретимся в моём настоящем, это будет случаться довольно часто – даже чаще, чем я бы хотел, Клэр.

– Кто тебе нравится в семьдесят пятом?

– Если честно, никто. В двенадцать у меня были другие развлечения. Но когда мне было тринадцать, я жутко влюбился в Патти Херст.

– Это девочка из твоей школы? – Клэр, кажется, разозлилась.

– Нет, – улыбаюсь я. – Она была богатой калифорнийской студенткой, которую похитили ужасные левые террористы и заставили ее грабить банки. Ее каждый вечер в новостях показывали месяцы напролет.

– И что с ней случилось? Почему она тебе понравилась?

– В конце концов они ее отпустили, она вышла замуж, появились дети, и теперь она богатая калифорнийская дама. Почему она мне понравилась? Ну, не знаю. Это иррационально,

понимаешь? Думаю, я просто немного знал, что это такое, когда тебя забирают и заставляют делать вещи, которые делать не хочется, а потом выходит, что тебе это как бы и нравится.

– Ты делаешь что-то, чего не хочешь?

– Да. Постоянно. – У меня затекла нога, и я встаю и трясу ею, пока нога не начинает оттаивать. – Я же не всегда оказываюсь здесь, с тобой, на всем готовеньком. Я очень часто попадаю туда, где мне приходится воровать, чтобы поесть и одеться.

– Да-а! – Личико у нее затуманивается, и потом она видит свой ход, делает его и победно смотрит на меня: – Мат!

– Эй! Bravo! – поздравляю я. – Ты просто королева по шахматам *du jour*²⁹.

– Да, – отвечает Клэр, розовая от гордости. Она начинает опять расставлять фигурки на исходные позиции: – Еще?

Я делаю вид, что смотрю на несуществующие часы.

– Конечно, – сажусь обратно. – Ты есть хочешь?

Мы здесь уже несколько часов, и запасы истощились; единственное, что у нас осталось, – это крошки в пакетике из-под печенья.

– Угу.

Клэр держит две пешки за спиной, я касаюсь ее правого локтя, и она показывает мне белую пешку. Делаю стандартный первый ход, двигаю королевскую пешку на e4. Она делает стандартный ответ на мой стандартный ход, двигая свою королевскую пешку на e4. Мы довольно быстро делаем еще десяток ходов, с умеренными потерями, а потом Клэр на какое-то время замирает, исследуя поле. Она всегда экспериментирует, всегда пытается *coup d'éclat*³⁰.

– А кто тебе нравится сейчас? – спрашивает она, не глядя на меня.

– В смысле, в двадцать? Или в тридцать шесть?

– И тогда, и тогда.

Я пытаюсь вспомнить себя в двадцать лет. Вихрь женщин, грудей, ног, кожи, волос. Все похождения слились в одно, и лица с именами я уже не могу соотнести. В двадцать мне скучать не приходилось, а вот страдать – сколько угодно.

– В двадцать ничего особенного не было. Никто на ум не приходит.

– А в тридцать шесть?

Я внимательно смотрю на Клэр. Двенадцать – это еще слишком мало? Да, слишком. Лучше фантазировать о красивом, недостижимом, безопасном Поле Маккартни, чем мириться с Генри-чудаком, путешественником во времени. Но почему она спрашивает?

– Генри?

– А?

– Ты женат?

– Да, – неохотно признаю я.

– На ком?

– На очень красивой, терпеливой, талантливой, умной женщине.

– О! – Лицо у нее вытягивается.

Она берет в руки белого слона, которого взяла пару ходов назад, и крутит его на земле, как юлу.

– Здорово.

Кажется, эта новость ее расстроила.

– В чем дело?

– Ни в чем. – Клэр двигает королеву с e2 на b5. – Шах.

²⁹ На день (*фр.*).

³⁰ Произвести много шума (*фр.*).

Я перемещаю коня, чтобы закрыть короля.

– А я замужем? – спрашивает Клэр.

Я смотрю ей в глаза:

– Ты искушаешь судьбу.

– Почему бы и нет? Ты никогда мне ничего не рассказываешь. Ну же, Генри, скажи, я навсегда останусь старой девой?

– Ты монахиня, – дразню я ее.

– Господи, надеюсь, ты врешь, – пожимает она плечами и берет мою пешку своей ладьей. – А как ты познакомился со своей женой?

– Извини. Совершенно секретная информация. – Я беру ее ладью ферзем.

– Упс, – кривится Клэр. – Ты путешествовал во времени? Ну, когда ее встретил?

– Я занимался своими делами.

Клэр вздыхает. Она берет еще одну пешку своей ладьей. У меня начинают заканчиваться пешки. Передвигаю на а4 ферзя.

– Это нечестно, что ты все обо мне знаешь, а мне о себе никогда не рассказываешь.

– Правда. Нечестно. – Я пытаюсь выглядеть сокрушенным и любезным.

– В смысле, Рут, и Хелен, и Меган, и Лаура мне все рассказывают, и я рассказываю им все.

– Все?

– Ну, не все. Про тебя не рассказываю.

– Да ну? А почему?

– Ты секрет, – принимается обороняться Клэр. – И вообще, они мне все равно не поверят.

Коварно улыбаясь, она своим конем загоняет в ловушку моего слона. Я рассматриваю доску, пытаюсь понять, как бы взять ее коня или передвинуть своего слона. Кажется, у белых дела плохи.

– Генри, а ты настоящий?

– Да, – немного обалдеваю я. – А каким я еще могу быть?

– Не знаю. Привидение?

– Я живой человек, Клэр.

– Докажи.

– Как?

– Не знаю.

– Но послушай, ты же не сможешь доказать, что *ты* настоящий человек, а?

– Я настоящая, я уверена.

– Почему?

– Я просто человек, и все.

– Ну, я тоже просто человек, и все.

Странно, что Клэр завела этот разговор; в 1999 году мы с доктором Кендриком затеяли философский диспут на эту же самую тему. Кендрик убежден, что я предвестник нового человеческого вида, так же отличающийся от нынешних людей, как кроманьонец от своих неандертальских соседей. Я убежден, что я – просто ошибка в генокоде, и наша неспособность иметь детей доказывает, что я не стану переходным звеном. Мы цитируем Кьеркегора, Хайдеггера и петушимся. И вот, Клэр сомневается во мне.

– *Люди* не появляются и не исчезают так, как ты. Ты как Чеширский кот.

– Ты хочешь сказать, что я – выдуманный персонаж?

Я наконец вижу свой ход: ладья на g3. Теперь Клэр может взять моего слона, но через несколько ходов потеряет ферзя. Она немного думает, понимает это и показывает мне язык. Язык у нее неприятного оранжевого оттенка от съеденных карамелек.

– Это заставляет меня задуматься насчет сказок. В смысле, если ты настоящий, то почему сказки не могут быть настоящими, а? – Клэр поднимается, продолжая смотреть на доску, и при-

плясывает на месте, как будто на ней штаны загорелись. – Кажется, земля становится жестче. У меня попу свело.

– Может, они и правда настоящие. Или какие-то небольшие вещи в них настоящие, а потом люди на них просто накручивают, а?

– То есть Белоснежка просто была в коме?

– И Спящая Красавица тоже.

– А Джек со своим Бобовым Стеблем просто был потрясающим садовником.

– А Ной – старый чудак, у которого был плавучий дом и полно кошек.

– Ной из Библии, – вытаращив на меня глаза, говорит Клэр. – Он не из сказки.

– А! Да. Извини.

Я очень хочу есть. В любую минуту Нелли может подать сигнал к обеду, и Клэр придется идти домой. Она садится обратно за свою половину доски. Я вижу, ее интерес к игре потерян, потому что она начинает строить пирамиду из съеденных у меня фигурок.

– Ты так и не доказал, что настоящий, – говорит Клэр.

– И ты тоже.

– Ты сомневаешься в том, что я настоящая? – с удивлением спрашивает она.

– Может, ты мне снишься. Может, я тебе снюсь; может, мы существуем только во снах друг друга и каждое утро, просыпаясь, все забываем.

Клэр хмурится и делает такое движение рукой, как будто хочет отмахнуться от странной идеи.

– Ущипни меня, – требует она.

Я наклоняюсь вперед и слегка щиплю ее за руку.

– Сильнее!

Я щиплю опять, достаточно сильно, так что появляется красное пятно, а потом сразу белеет и исчезает.

– Разве я не проснулась бы, если бы спала? В любом случае, не похоже, что я сплю.

– На привидение я тоже не похож. Или на выдуманный персонаж.

– Откуда ты знаешь? То есть если бы я тебя придумала и не хотела бы, чтобы ты знал, что я тебя придумала, просто бы тебе не сказала, а?

– Может, Господь просто сделал нас, и Он не говорит нам, – удивленно произношу я.

– Нельзя так говорить! – восклицает Клэр. – И вообще, ты даже не веришь в Господа. Так?

Пожимаю плечами и меняю тему разговора:

– Я более реальный, чем Пол Маккартни.

Клэр выглядит взволнованной. Она начинает складывать фигурки в коробку, аккуратно отделяя белые от черных.

– Много людей знают Пола Маккартни, а про тебя знаю только я.

– Но ты встречала меня лично, а его – нет.

– Мама была на концерте «Битлз». – Она закрывает крышку шахматной доски и вытягивается на земле, уставившись на шатер из зеленых листьев. – Это было восьмого августа шестьдесят пятого года в «Комиски-парке».

Я тычу пальцем ей в живот, она сворачивается, как еж, и хихикает. Немного пощекотав друг друга и покатавшись по земле, мы ложимся на спину, прижав руки к животу, и Клэр говорит:

– А твоя жена тоже путешествует во времени?

– Нет. Слава богу.

– Почему «слава богу»? Я думаю, это было бы здорово. Вы могли бы путешествовать вместе.

– Одного путешественника во времени в семье более чем достаточно. Это опасно, Клэр.

– Она беспокоится о тебе?

– Да, – тихо отвечаю я, – беспокоится.

Интересно, что сейчас делает Клэр, в 1999 году. Может, еще спит. Может, не знает, что я исчез.

– Ты ее любишь?

– Очень, – шепотом отвечаю я.

Мы тихо лежим рядом, глядя на раскачивающиеся деревья, на птиц, на небо. Я слышу сдавленный звук и, взглянув на Клэр, с изумлением вижу слезы, которые катятся из ее глаз к ушам. Сажусь и наклоняюсь над ней:

– Что случилось, Клэр?

Она просто качает головой и крепче сжимает губы. Разглаживаю ее волосы, сажаю и обнимаю. Она просто ребенок, но на секунду я вижу ее взрослой.

– Что случилось?

Она отвечает так тихо, что мне приходится попросить ее повторить.

– Я просто подумала, что, может быть, ты женат на мне.

27 июня 1984 года, среда (Клэр 13)

КЛЭР: Я стою в долине. Конец июня, дело к вечеру; через несколько минут нужно будет идти мыть руки к ужину. Температура падает. Десять минут назад небо было медно-голубое, над долиной висел тяжелый жар, все казалось изогнутым, как под кривым стеклянным куполом, все звуки поглощались жаром под оглушающий аккомпанемент жужжания насекомых. Я сидела на крошечных мостках, глядя, как водомерки скользят по тихому маленькому пруду, и думала о Генри. Сегодня он не придет; в следующий раз мы увидимся через двадцать два дня. Стало намного прохладнее. Генри меня озадачивает. Всю свою жизнь я принимала его как должное; то есть, хотя Генри – секрет и поэтому автоматически вызывает восхищение, он еще и загадка, и как раз недавно до меня начало доходить, что у большинства девочек нет Генри, или если и есть, они о нем молчат. Поднимается ветер; высокая трава шелестит, я закрываю глаза, чтобы представить, что я у моря (которое видела только по телевизору). Я открываю глаза; небо желтое, потом зеленое. Генри говорит, что приходит из будущего. Когда я была маленькой, то не видела в этом особой проблемы; я понятия не имела, что это может означать. Теперь я думаю, правда ли, что это какое-то место или время, в которое я приду; и что идти туда – не значит просто становиться старше. Интересно, может ли Генри взять меня в будущее. Лес становится черным, деревья гнутся, качаются из стороны в сторону и пригибаются к земле. Гул насекомых пропал, ветер все сглаживает, трава прижата, деревья трещат и стонут. Я боюсь будущего, оно представляется мне большой коробкой с тайнами. Генри говорит, что знает меня в будущем. Огромные черные тучи надвигаются из-за деревьев, они появляются так внезапно, что я начинаю смеяться, они как марионетки, и все кружится, приближаясь ко мне, потом раздается длинный низкий раскат грома. Внезапно я понимаю, что стою, худенькая, вытянувшаяся, посреди долины, где все прижалось к земле, и ложусь на землю в надежде, что бушующая вокруг стихия не заметит меня. Я лежу на спине и смотрю вверх, в небо, откуда начинает литься вода. Одежда промокла, и внезапно я чувствую, что Генри где-то здесь, он обнимает меня, и мне кажется, что Генри – это дождь, и я одна и хочу его.

23 сентября 1984 года, воскресенье (Генри 35, Клэр 13)

ГЕНРИ: Я на поляне, в долине. Раннее-раннее утро, как раз перед восходом. Конец лета, все цветы и трава вымахали мне до груди. Прохладно. Я один. Брожу среди растений и нахожу

коробку с одеждой, открываю ее и вижу голубые джинсы, белую рубашку и сандалии. Раньше я никогда этих вещей не видел и задумываюсь, в какое время я попал. Клэр оставила мне перекусить: сэндвич с арахисовым маслом, аккуратно завернутый в фольгу, яблоко и пакет картофельных чипсов «Джей». Может быть, это школьный обед Клэр. Думаю, сейчас конец семидесятых – начало восьмидесятых. Сажусь на камень, начинаю есть и тут же чувствую себя намного лучше. Поднимается солнце. Вся долина голубая, потом оранжевая с розовым, тени удлиняются, и наступает день. Клэр нигде не видно. Я отползаю на несколько футов в заросли, сворачиваюсь на земле, хотя она мокрая от росы, и засыпаю.

Когда я просыпаюсь, солнце высоко в небе, рядом со мной сидит Клэр и читает книгу. Она улыбается мне и говорит:

– Солнце светит. Птицы поют, лягушки квакают, пора просыпаться!

Я вздыхаю и тру глаза:

– Привет, Клэр. Какое сегодня число?

– Двадцать третье сентября тысяча девятьсот восемьдесят четвертого года, воскресенье.

Клэр тринадцать. Странный и трудный возраст, но все же тут не так трудно, как в моем настоящем. Я сажусь и зеваю.

– Клэр, если я очень хорошо попрошу, ты сходишь в дом и принесешь мне чашку кофе?

– Кофе? – Клэр говорит это так, как будто она никогда не слышала о таком напитке.

Взрослая Клэр такая же кофеманка, как и я. Она раздумывает.

– Ну пожалуйста!

– Хорошо. Попробую. – Она медленно поднимается.

В этот год Клэр быстро выросла. Она стала выше на пять дюймов и еще не привыкла к своему новому телу. Грудь, ноги, бедра – все стало другим. Я пытаюсь не думать об этом, глядя, как она идет по тропинке к дому. Бросаю взгляд на книгу, которую она оставила. Это Дороти Сейерс³¹, я такую не читал. К тому времени, как она возвращается, я уже на тридцать третьей странице. Она принесла термос, чашки, одеяло и несколько пончиков. От летнего солнца у Клэр на носу веснушки, я подавляю в себе желание пробежать пальцами по ее выцветшим волосам, которые падают ей на руки, когда она расстилает одеяло.

– Огромное спасибо. – Я беру термос, как будто в нем святая вода.

Мы усаживаемся на одеяло. Откручиваю крышку, наливаю чашку кофе, делаю глоток. Он невероятно крепкий и горький.

– Господи! Клэр, это настоящее ракетное топливо.

– Слишком крепкий?

Она выглядит немного расстроенной, и я спешу похвалить ее:

– Ну, возможно, не то чтобы уж очень крепкий, но крепковатый. Хотя мне нравится.

Ты его сама приготовила?

– Угу. Я раньше никогда кофе не варила, и Марк зашел и начал меня доставать, поэтому, может, я что-то не то сделала.

– Нет, все отлично.

Я дую на кофе и допиваю. Сразу становится лучше. Наливаю еще одну чашку.

Клэр берет у меня термос. Наливает себе полнаперстка кофе и осторожно делает глоток.

– Фу, – говорит она. – Ну и гадость. Он и правда такой на вкус должен быть?

– Ну, обычно он не такой злобный. Ты любишь кофе с большим количеством сливок и сахара.

Клэр выливает остатки своего кофе на землю и берет пончик. Потом говорит:

– Ты превращаешь меня в ненормальную.

У меня нет готового ответа, потому что такая мысль никогда не приходила мне в голову.

³¹ Дороти Сейерс (1893–1957) – британская писательница и переводчик «Божественной комедии», автор детективов.

– Нет, неправда.

– Нет, правда.

– Нет. – Секунду-другую я молчу. – Что ты хочешь этим сказать: «я превращаю тебя в ненормальную»? Я тебя ни в кого не превращаю.

– Знаешь, ты говоришь мне, что я люблю кофе со сливками и сахаром, еще до того, как я его попробовала. Ну, то есть как я смогу разобраться, нравится ли мне это по-настоящему или просто потому, что ты мне сказал, что мне это нравится?

– Но, Клэр, это же индивидуальный вкус. Ты сама сможешь понять, какой кофе тебе нравится, независимо от того, сказал я тебе это или нет. К тому же не ты ли всегда просишь меня рассказать что-нибудь о будущем?

– Знать будущее и знать, что я люблю, – это разные вещи, – отвечает Клэр.

– Почему? И то и другое связано со свободой выбора.

Клэр снимает туфли и носки. Заталкивает носки в туфли и аккуратно ставит их на краешек одеяла. Затем берет отброшенную мною крышку от термоса и ставит рядом с туфлями, как будто одеяло – это татами.

– Я думала, что свобода выбора связана с первородным грехом.

– Нет, – подумав, отвечаю я. – Почему это свобода должна быть ограничена понятиями правильного или неправильного? В смысле, ты только что решила, по своему собственному выбору, снять туфли. Не имеет значения, заботит ли это кого-то, в туфлях ты или нет, и это не грешно и не добродетельно, это не влияет на будущее, но ты сделала свой собственный выбор.

– Но иногда, – пожимает плечами Клэр, – ты мне говоришь что-то, и я чувствую, что будущее уже здесь, понимаешь? Как будто мое будущее случилось в прошлом, и я ничего не могу с ним поделать.

– Это называется детерминизм, – говорю я ей. – Он преследует меня в кошмарах.

– Почему? – заинтригованно спрашивает Клэр.

– Ну, если *ты* чувствуешь себя загнанной в угол, потому что считаешь свое будущее неизменным, представь себе, что чувствую *я*. Я постоянно сталкиваюсь с ситуациями, которые не могу изменить, хотя нахожусь прямо в них, и просто смотрю.

– Но, Генри, ты ведь изменяешь вещи! В смысле, ты же написал на листке, который я тебе отдам в девяносто первом году, о том ребенке с синдромом Дауна. И список встреч. Если бы у меня не было этого списка, я бы никогда не знала, когда приходить к тебе. Ты все время что-то меняешь.

– Я могу заставить работать только те вещи, которые уже случились. Например, я не могу изменить того факта, что ты сейчас сняла туфли, – улыбаюсь я.

– Но почему, – смеется Клэр, – тебя так волнует, сняла я их или нет?

– Не волнует. Но если бы и волновало, это неизменный факт истории Вселенной, и я ничего не могу с этим поделать.

Я беру еще один пончик – «Бисмарк», мои любимые; глазурь немного подтаяла на солнце и липнет к пальцам. Клэр доедает пончик, закатывает штанины джинсов и садится по-турецки. Она чешет шею и раздраженно смотрит на меня.

– Теперь ты заставляешь меня думать обо всем. Я чувствую, что каждый раз, когда высмаркиваюсь, совершаю историческое деяние.

– Ну, это так и есть.

– А какая противоположность у детерминизма? – спрашивает она.

– Хаос.

– О. Не думаю, что мне это понравится. А тебе он нравится?

Я откусываю большой кусок пончика и размышляю о хаосе.

– Ну, и да и нет. Хаос дает полную свободу. Но смысла в нем нет. Я хочу иметь свободу действий, но я также хочу, чтобы мои действия имели смысл.

– Но, Генри, ты забываешь о Боге – почему не может быть Бога, который придает вещам смысл? – Клэр убедительно хмурится и смотрит в долину.

Я кидаю последний кусок пончика в рот и медленно жую, чтобы выиграть время. Каждый раз, когда Клэр упоминает Бога, у меня начинают потеть ладони и появляется настойчивое желание спрятаться, убежать или исчезнуть.

– Не знаю, Клэр. Для меня вещи выглядят слишком хаотичными и бессмысленными, чтобы ими управлял Бог.

Клэр обхватывает колени руками.

– Но ты только что сказал, что все кажется спланированным и продуманным.

– Да уж, – говорю я, хватаю Клэр за лодыжки, притягиваю ее ступни себе на колени и держу.

Она смеется и откидывается на локтях. Я чувствую холод ступней Клэр в своих руках; они розовые и очень чистые.

– Хорошо, – говорю я. – Давай посмотрим, какие у нас варианты. Во-первых, Вселенная, где прошлое, настоящее и будущее одновременно сосуществуют и все уже случилось; во-вторых, хаос – где все может случиться и ничего нельзя предсказать, потому что мы не можем продумать все варианты; и в-третьих, христианская Вселенная, в которой Бог все сделал и все имеет смысл, но у нас все же есть свобода воли. Так?

– Думаю, да. – Клэр шевелит пальцами ног в моих руках.

– И за что голосуешь?

Клэр молчит. Ее прагматизм и романтические чувства по отношению к Христу и Марии в тринадцать лет почти идеально сбалансированы. Год назад она бы без колебаний выбрала Бога. Через десять лет она будет за детерминизм, а еще через десять лет будет считать, что во Вселенной царит случайность, что, если Бог существует, Он не слышит наших молитв, что причина и следствие неизбежны и грубы, но бессмысленны. А что потом? Я не знаю. Но прямо сейчас Клэр сидит передо мной на пороге юности с верой в одной руке и растущим скептицизмом в другой, и единственное, что она может попытаться сделать, – это жонглировать ими или стискивать их, пока они не сольются воедино.

Она трясет головой:

– Я не знаю. Я *хочу* выбрать Бога. Это нормально?

– Конечно нормально. – Я чувствую себя ослом. – Это то, во что ты веришь.

– Но я не хочу просто верить, я хочу, чтобы это было правдой.

Я провожу большими пальцами по сводам стоп Клэр, и она закрывает глаза.

– Прямо как Фома Аквинский, – говорю я.

– Я слышала про него, – отвечает Клэр, как будто говорит о своем давно потерянном любимом дядюшке или о ведущем телепрограммы, которую она смотрела, будучи ребенком.

– Он хотел порядка и смысла, и Бога тоже. Он жил в тринадцатом веке и преподавал в Парижском университете. Аквинский верил и в Аристотеля, и в ангелов.

– Я люблю ангелов, – отвечает Клэр. – Они такие красивые. Я бы хотела иметь крылья, и летать повсюду, и сидеть на облаках.

– *Ein jeder Engel ist schrecklich.*

Клэр вздыхает, и этот тихий вздох как бы говорит: «Я не говорю по-немецки, ты что, забыл?»

– «Каждый ангел ужасен»³². Это начало одной из «Дуинских элегий» Рильке. Мы с тобой очень его любим.

³² Перевод В. Микушевича.

- Ты опять за свое! – вздыхает Клэр.
- В смысле?
- Говоришь, какая я буду.

Клэр зарывается мне в колени своими ступнями. Не думая, я кладу ее ступни себе на плечи, но мне это кажется каким-то излишне откровенным, и я быстро опять беру ступни в руки и держу их одной рукой в воздухе, а она лежит на спине, невинная, как ангел, волосы нимбом рассыпаны на одеяле вокруг головы. Я щекочу ее пятки. Клэр хихикает и выдирается из моих рук, подпрыгивает и делает колесо на поляне, улыбаясь, как будто хочет, чтобы я встал и поймал ее. Я только ухмыляюсь в ответ, и она возвращается на одеяло и садится рядом со мной.

- Генри?
- Да?
- Ты меняешь меня.
- Я знаю.

Я поворачиваюсь к ней и на секунду забываю, что она маленькая девочка и что все происходит в далеком прошлом. Я вижу свою жену с лицом маленькой девочки и не знаю, что сказать этой Клэр, взрослой и молодой, не такой, как другие, этой Клэр, которая знает, что изменяться бывает трудно. Но, кажется, она не ждет ответа. Она прислоняется к моей руке, и я обнимаю ее за плечи.

«Клэр!» – крик отца Клэр разносится над тишиной долины. Клэр подскакивает и хватается туфли с носками.

- Пора обедать, – говорит она, внезапно начав нервничать.
- Хорошо, – говорю я. – Ну, пока.

Машу ей рукой, она улыбается и, пробормотав: «Пока», бежит по дорожке, пропадая из виду. Я какое-то время лежу на солнце, размышляя о Боге и читая Дороти Сейерс. Через час или около того я тоже исчезаю, и в память о нас остаются только одеяло, книга, кофейные чашки и одежда.

После конца

**27 октября 1984 года, суббота
(Клэр 13, Генри 43)**

КЛЭР: Я внезапно просыпаюсь. Был какой-то шум: кто-то звал меня по имени. Голос как у Генри. Сажусь в постели и прислушиваюсь. Слышу шум ветра и крики ворон. А что, если это был Генри? Выскакиваю из постели и бегу босиком вниз по ступеням, за дверь, в долину. Холодно, ветер проникает сквозь мою пижаму. Где он? Я останавливаюсь и вижу у фруктового сада папу и Марка, в оранжевых охотничьих костюмах, и с ними человек, и они все стоят и смотрят на что-то, но потом слышат мои крики, поворачиваются, и я вижу, что этот человек – Генри. Что Генри делает с папой и Марком? Я бегу к ним, сухая трава режет ступни, папа идет ко мне навстречу. «Дорогая, – спрашивает он, – что ты делаешь здесь так рано?» – «Я слышала, что меня кто-то звал», – объясняю я. Папа улыбается, как бы говоря: «Глупенькая», а я смотрю на Генри, может, он объяснит. «Зачем ты меня звал, Генри?» – хочется спросить мне, но он качает головой и прикладывает палец к губам: «Шш, не говори ничего, Клэр». Он уходит в сад, и я хочу посмотреть, на кого они смотрели, но там никого нет, и папа говорит: «Клэр, возвращайся в кровать, это просто сон». Он обнимает меня, мы идем обратно к дому, я оглядываюсь на Генри, он улыбается и машет мне рукой: «Все в порядке, Клэр, потом объясню». (Хотя, зная Генри, я понимаю: вряд ли он расскажет мне, скорее заставит догадаться или объяснение придет само в один прекрасный день.) Я тоже машу ему рукой и оглядываюсь, не видел ли Марк, но он стоит к нам спиной, злится и ждет, когда я уйду в дом, чтобы они с папой продолжили охоту; но что здесь делает Генри, что они сказали друг другу? Я снова оглядываюсь, но Генри не вижу, и папа говорит: «Пойдем, Клэр, ложись спать» – и целует меня в лоб. Он выглядит расстроенным, и я бегу обратно в дом, потом тихо поднимаюсь по ступенькам и сижу на своей постели, меня трясет. Я не знаю, что только что произошло, но уверена: это что-то очень плохое. Очень. Очень.

**2 февраля 1987 года, понедельник
(Клэр 15, Генри 38)**

КЛЭР: Когда я возвращаюсь домой из школы, Генри ждет меня в читальном зале. Я отвела ему маленькую комнатку рядом с печкой; она напротив чулана, где хранятся велосипеды. Я объявила своим домашним, что мне нравится сидеть в подвале и читать, и на самом деле я много времени там проводила, так что никто не удивился. Генри подпер дверную ручку стулом. Я стучу четыре раза, и он впускает меня. Он устроил себе лежанку из подушек, диванных валиков и одеял и читает старые журналы при свете моей настольной лампы. На нем старые джинсы и фланелевая рубашка в клетку, он выглядит усталым, небрит. Сегодня утром я оставила дверь открытой, и вот он тут.

Я ставлю поднос с едой на пол.

– Я могла бы принести книг.

– Спасибо, тут книги что надо. – Он показывает на журналы «Мэд»³³ шестидесятих годов. – Это необходимо путешественникам во времени, которым нужно знать факты о настоящем, – говорит он, поднимая «Мировой альманах» за 1968 год.

³³ MAD – популярный сатирический журнал, выпускается с 1952 г. компанией «DC Comics».

Я сажусь рядом с ним на одеяла и смотрю на него – не скажет ли пересесть. Вижу, что он подумывает об этом, поэтому поднимаю руки и затем сажусь на них.

– Располагайся, – улыбается он.

– Откуда ты пришел?

– Октябрь две тысячи первого.

– Ты выглядишь усталым. – Я вижу, что он сомневается, говорить ли мне, почему он устал, и решает не говорить. – Что мы делаем в две тысячи первом году?

– Много чего. Большие события. И изматывающие. – Генри принимается за сэндвич с ростбифом, который я ему принесла. – Слушай, как вкусно!

– Это Нелли сделала.

– Я никогда не пойму, – смеется он, – почему ты можешь строить огромные скульптуры, прочные как камень, разбираешься в методах окраски, готовишь козо³⁴ и все такое, но в принципе не можешь ничего, что связано с кухней. Просто поразительно.

– Умственный блок. Это фобия.

– Невероятно.

– Я захожу на кухню и слышу, как какой-то голос мне говорит: «Уходи». И я ухожу.

– Ты хорошо ешь? Ты такая худенькая.

Мне кажется, что я толстая.

– Я ем, – отвечаю я, впадая в уныние. – А в две тысячи первом году я толстая? Может, тебе поэтому кажется, что я худая?

Генри улыбается, и я не понимаю чему.

– Ну, на данный момент ты такая пухленькая, в моем настоящем, но это пройдет.

– Фу.

– Пухлость – это хорошо. Тебе очень идет.

– Нет уж, спасибо. – (Генри смотрит на меня с беспокойством.) – Знаешь, у меня нет анорексии, ничего подобного. В смысле, тебе не надо об этом беспокоиться.

– Ну, тебя мама вечно с этим допекала.

– Допекала?

– Допекает.

– Почему ты сказал в прошедшем времени?

– Просто так. С Люсиль все в порядке. Не беспокойся.

Он врет. У меня внутри все сжимается, я обхватываю колени руками и опускаю голову.

ГЕНРИ: Поверить не могу, что ляпнул такое. Я глажу Клэр по волосам и страстно мечтаю немедленно оказаться в своем настоящем, поговорить с Клэр, выяснить, что я рассказал ей, пятнадцатилетней, о смерти матери. Это все от недосыпа. Если бы я нормально спал, то и соображал бы живее или, по крайней мере, мог бы убедительно отбрехаться. Но Клэр, самый правдивый человек на свете, ужасно чувствительна даже к маленьким обманам, и теперь мне придется или отказаться говорить что-либо, а тогда она с ума сойдет от волнения, или врать, чего она не потерпит, или сказать правду, которая огорчит ее и заставит по-другому относиться к матери. Клэр смотрит на меня.

– Расскажи.

КЛЭР: Генри выглядит несчастным.

– Клэр, я не могу.

– Почему?

– Незачем говорить вещи заранее. Это перевернет твою жизнь.

³⁴ Луб тутового дерева (сырье для производства самодельной бумаги по восточному рецепту).

– Да. Но нельзя же останавливаться на полдороге.

– Нечего рассказывать.

Мне становится страшно. Вдруг захлестывает уверенность.

– Она покончила с собой! – Этого я всегда больше всего боялась.

– *Нет.* Неправда. Ничего подобного.

Я смотрю на него. Генри выглядит ужасно несчастным. Не знаю, правду ли он сказал. Если бы я могла читать его мысли, как все было бы легче. Мама. Мамочка.

ГЕНРИ: Это ужасно. Я не могу оставить ее в таком состоянии.

– Рак яичников, – очень тихо говорю я.

– Слава богу, – шепчет она и начинает плакать.

5 июня 1987 года, пятница (Клэр 16, Генри 32)

КЛЭР: Я весь день жду Генри. Я так взволнована. Вчера я получила водительские права, и папа сказал, что сегодня вечером я смогу взять «фиат» на вечеринку у Рут. Маме эта идея совсем не нравится, но, поскольку папа разрешил, она ничего сделать не может. Я слышу, как после обеда они ругаются в библиотеке: «Мог бы меня спросить...» – «Люси, все будет в порядке...»

Я беру книгу и иду в долину. Ложусь на траву. Солнце начинает садиться. На улице прохладно, в траве полно маленьких белых мошек. Небо на западе окрашено в розовый с оранжевым, надо мной – темно-голубая арка. Я подумываю вернуться в дом за свитером, когда слышу, что кто-то идет по траве. Конечно, это Генри. Он входит на поляну и садится на камень. Я наблюдаю за ним из травы. Он выглядит довольно молодо, ему, наверное, едва за тридцать. На нем однотонная черная футболка, джинсы и сапоги. Он сидит неподвижно и ждет. Я не выдерживаю, выпрыгиваю из травы и пугаю его.

– Господи, Клэр, ты напугала чудака до сердечного приступа.

– Ты не чудак.

Генри улыбается. Он такой странный, такой взрослый.

– Целуй, – приказываю я, и он меня целует.

– В честь чего?

– Я получила водительские права!

Генри выглядит встревоженным.

– О нет! В смысле, поздравляю.

Я улыбаюсь: ничего, что бы он ни сказал, настроения мне не испортит.

– Ты просто завидуешь.

– Если честно, то да. Я люблю водить, но никогда не делаю этого.

– Почему?

– Слишком опасно.

– Трусишка.

– В смысле, для других. Представь, что случится, если я сажу за рулем и вдруг исчезаю?

Машина будет продолжать ехать, и – *ба-бах!* – куча трупов и реки крови. Ничего хорошего.

Я сажусь рядом с Генри на камень. Он отодвигается. Я не обращаю внимания.

– Я сегодня собираюсь на вечеринку к Рут. Хочешь со мной?

Он поднимает брови. Обычно это означает, что он собирается процитировать книгу, которую я не читала, или прочитать мне нравоучение. Вместо этого он просто говорит:

– Но, Клэр, там же будет полно твоих друзей.

– Ну и что? Я устала прятать тебя.

– Ну, посмотри: тебе шестнадцать. Мне сейчас тридцать два, ровно в два раза больше. Ты правда думаешь, что никто не обратит внимания и твои родители ничего не узнают?

– Хорошо, – вздыхаю я, – но мне ехать придется. Давай со мной, посидишь в машине, я ненадолго, а потом куда-нибудь прокатимся.

ГЕНРИ: Мы останавливаемся в квартале от дома Рут. Я слышу громкую музыку; это *Talking Heads*, «Once in a Lifetime»³⁵. Мне почти хочется пойти с Клэр, но это будет неразумно. Она выскакивает из машины, говорит: «Сиди», как будто я большая непослушная собака, и уходит, стуча каблучками и покачивая бедрами в короткой юбке. Я откидываю сиденье и жду.

КЛЭР: Едва попав в дом, я понимаю, что эта вечеринка – большая ошибка. Родители Рут уехали в Сан-Франциско на неделю, поэтому у нее, по крайней мере, будет время, чтобы починить, отчистить все и придумать объяснения, но все равно я рада, что это не мой дом. Старший брат Рут, Джейк, тоже пригласил своих друзей, так что всего получилось около сотни человек, и все пьяные. Здесь больше мальчишек, чем девчонок, и я жалею, что не надела брюки и туфли без каблуков, но с этим уже ничего не поделаешь. Когда я прохожу на кухню за выпивкой, кто-то говорит за моей спиной:

– Глядите-ка: мисс Смотри-но-не-трогай! – И раздается противный причмокивающий звук. Поворачиваюсь и вижу, что на меня тарашится Ящер (мы так называем его из-за прыщей). – Хорошее платье, Клэр.

– Спасибо, но это не про твою честь, Ящер.

Он идет за мной на кухню.

– Деточка, это не очень вежливо. В конце концов, я просто пытаюсь выразить восхищение твоим шикарным нарядом, а ты в ответ просто оскорбляешь меня...

Кажется, он не заткнется никогда. Наконец я вырываюсь, используя Хелен как живой щит, чтобы выбраться из кухни.

– Ну и гадость, – говорит Хелен. – Где Рут?

Рут прячется наверху в спальне с Лаурой. Они курят косяк в темноте и смотрят из окна, как несколько дружков Джейка голые купаются в бассейне. Вскоре мы все оказываемся у окна и тарашим глаза.

– Хм, – говорит Хелен. – Мне бы вот такого.

– Которого? – спрашивает Рут.

– Того, у вышки.

– О-о.

– Посмотри на Рона, – говорит Лаура.

– Это Рон? – хихикает Рут.

– Ух ты! Ну, думаю, любой бы выглядел лучше без футболки с «Металликой» и жуткой кожаной жилетки, – отвечает Хелен. – Эй, Клэр, ты что-то молчишь.

– Что? Да, наверное, – отстраненно отвечаю я.

– Посмотри на себя, – говорит Хелен. – Ты просто... тебя просто перекосило от желания. Мне за тебя стыдно. Как можно было себя до такого состояния довести? – Она смеется. – Правда, Клэр, почему бы тебе с кем-нибудь из них не закрутить?

– Я не могу, – жалобно отвечаю я.

– Конечно можешь. Просто иди вниз и крикни: «Хочу трахнуть!» – и полсотни парней завопят: «Выбери меня!»

– Ты не понимаешь. Я не хочу... это не...

– Она хочет кого-то определенного, – говорит Рут, не отрывая глаз от бассейна.

³⁵ «Раз в жизни» (англ.).

– Кого? – спрашивает Хелен.

Я пожимаю плечами.

– Да ладно, Клэр, признавайся.

– Оставьте ее в покое, – говорит Лаура. – Если Клэр не хочет говорить, нечего заставлять. Я сажусь рядом с Лаурой и кладу голову ей на плечо.

– Я сейчас, – подсказывает Хелен.

– Ты куда?

– Я привезла шампанского и персикового сока, чтобы сделать «Беллини», но оставила в машине.

Она вылетает за дверь. Высокий парень с волосами до плеч делает прыжок-кувырок назад с вышки.

– Ничего себе, – одновременно говорят Рут и Лаура.

ГЕНРИ: Проходит много времени, может быть час или около того. Я съел полпакета картофельных чипсов и выпил теплую колу, которую мы привезли с собой. Немного подремал. Она ушла уже давно, и я думаю, не пройтись ли мне. И еще мне надо отлить.

Я слышу, как к машине кто-то бежит на каблучках. Выглядываю из окна и вижу, что это не Клэр, а сногшибательная блондинка в узком красном платье. Я моргаю и тут понимаю, что это подруга Клэр Хелен Пауэлл. О нет!

Она подсказывает к моему окну, нагибается и тарашится на меня. Я вижу в ее вырезе все, вплоть до асфальта. Мне слегка нехорошо.

– Привет, парень Клэр. Я Хелен.

– Ошибочка, Хелен. Но рад познакомиться. – От нее алкоголем несет за версту.

– Ты не хочешь выйти из машины, чтобы представиться по всем правилам?

– Не думаю. Мне и тут вполне неплохо.

– Хорошо, тогда я к тебе сяду.

Она неуверенно обходит машину, открывает дверь и плюхается на водительское сиденье.

– Я давно мечтаю с тобой познакомиться, – признается Хелен.

– Правда? Почему?

Я отчаянно мечтаю, чтобы пришла Клэр и спасла меня, но ведь тогда конец конспирации, так?

– Я вычислила, что ты существуешь, – говорит Хелен *sotto voce*³⁶, наклонившись ко мне. – Мои могучие аналитические способности привели меня к выводу, что, если убрать все невозможное, остается правда, как бы она ни была невероятна. Поэтому... – Хелен делает паузу, рыгает. – Фу, ужасно. Извини. Поэтому я пришла к выводу, что у Клэр есть парень, иначе она не отказывалась бы трахаться с нашими милыми ребятами, которые ужасно от этого страдают. И вот ты здесь. Я права!

Мне всегда нравилась Хелен, и мне жаль обманывать ее. Хотя это объясняет то, что она сказала мне на нашей свадьбе. Я люблю, когда запутанные кусочки головоломки сходятся воедино.

– Логика неоспоримая, Хелен, но я не парень Клэр.

– А почему ты тогда сидишь в ее машине?

Вспышка озарения. Клэр меня за это убьет.

– Я друг родителей Клэр. Они беспокоились, что она едет на вечеринку, где, наверное, будет выпивка, и попросили меня поехать с ней и поиграть в шофера, если она выпьет лишнего.

– Это абсолютно необязательно, – надувает губки Хелен. – Наша маленькая Клэр пьет не больше самого крошечного, маленького такого наперстка...

³⁶ Вполголоса (*um.*).

– А я и не говорю, что обязательно. Просто у нее родители ужасно волновались. По тротуару стучат каблучки. На этот раз это Клэр. Она замирает, увидев, в какой я компании.

Хелен выпрыгивает из машины и говорит:

– Клэр! Этот противный тип говорит, что он не твой парень.

Мы с Клэр обмениваемся взглядами.

– Это так, – коротко говорит Клэр.

– О, – произносит Хелен, – ты уезжаешь?

– Почти полночь. Я уже скоро превращусь в тыкву. – Клэр обходит машину и открывает дверь. – Поехали, Генри. – Она заводит двигатель и включает фары.

Хелен замирает в свете фар. Затем подходит к моему окну.

– Не парень, да, *Генри*? На минуту ты меня обманул, ничего не скажешь. Пока, Клэр.

Она смеется, и Клэр, неловко вырвав с парковки, уезжает. Рут живет на Конгер. Когда мы сворачиваем на Бродвей, я вижу, что здесь не горят фонари. Дорога двусторонняя. Она прямая, но без фонарей кажется бездонным черным колодцем.

– Лучше включи дальний свет, Клэр, – говорю я.

Она протягивает руку и вообще гасит фары.

– Клэр!..

– Не говори мне, что делать!

Я затыкаюсь. Единственное, что я вижу, – это горящий циферблат на приборной доске. Время 23:36. Я слышу, как машина со свистом рассекает воздух, слышу шум двигателя, чувствую, как колеса крутятся по асфальту, но мы почему-то не движемся, это мир несется вокруг нас на скорости сорок пять миль в час. Я закрываю глаза. Не помогает. Открываю глаза. Сердце выскакивает из груди.

Вдалеке появляется свет. Клэр включает фары, и мы снова мчимся по дороге, идеально прямой, с желтыми полосами посередине и у тротуара. Время 23:38.

Лицо Клэр ничего не выражает в свете, отражающемся от приборной доски.

– Зачем ты это сделала? – спрашиваю я дрожащим голосом.

– А почему бы и нет? – Голос Клэр спокоен, как летний пруд.

– Например, потому, что мы оба разбились бы насмерть?

Клэр сбрасывает скорость и поворачивает на Блу-Стар.

– Но этого же не случится, – говорит она. – Я вырасту, встречу тебя, мы поженимся, так ведь?

– Но ты же не знаешь, а вдруг ты разбилась на машине и мы год пролежали на вытяжке?

– Но тогда бы ты меня предупредил, чтобы я так не делала, – говорит Клэр.

– Я пытался, но ты заорала на меня...

– Ну, более старший, ты давно приказал бы мне, младшей, не врезаться никуда.

– Нет, к тому времени это бы уже произошло.

Мы доехали до Миагрэм-лейн, и Клэр свернула с трассы. Это частная дорога, которая ведет к ее дому.

– Притормози, Клэр, пожалуйста!

Она заезжает на траву, останавливается, выключает двигатель и свет. Снова наступает полная темнота, и я слышу миллион поющих цикад. Притягиваю Клэр к себе, обнимаю ее. Она напряжена, скованна.

– Пообещай мне кое-что.

– Что? – спрашивает Клэр.

– Пообещай, что подобного больше не повторится. Я имею в виду не только машину, но и вообще все опасное. Потому что никогда не знаешь. Будущее – странная штука, и нельзя вести себя так, как будто ты неуязвима...

– Но если ты видел будущее...

– Поверь мне. Просто поверь мне.

– Почему я должна верить? – вздыхает Клэр.

– Не знаю. Потому что я тебя люблю?

Клэр поворачивает голову так быстро, что макушкой ударяет меня в челюсть.

– Ой!

– Извини.

Я едва различаю ее профиль в темноте.

– Ты меня любишь? – спрашивает она.

– Да.

– Прямо сейчас?

– Да.

– Но ты не мой парень.

Боже. *Вот* что ее беспокоит.

– Ну, чисто технически, я твой муж. Поскольку мы еще не поженились, думаю, можно сказать, что ты моя девушка.

Клэр кладет свою руку туда, где она не должна быть.

– Я лучше буду твоей любовницей.

– Тебе шестнадцать, Клэр. – Я осторожно убираю ее руку и глажу ее лицо.

– Я уже взрослая. Фу, у тебя все руки мокрые. – Клэр включает лампочку в салоне, и я с ужасом вижу, что у нее лицо и платье все в крови. Я смотрю на свои ладони, они липкие и красные. – Генри! Что это?

– Не знаю. – Я облизываю правую ладонь и вижу, как рядом проступают порезы в форме полумесяца. Я начинаю смеяться. – Это от моих ногтей. Когда мы ехали в темноте.

Клэр выключает свет, и мы снова оказываемся в темноте. Цикады поют во всю силу.

– Я не хотела напугать тебя.

– Ну, у тебя это получилось. Но обычно я чувствую себя спокойно, когда ты за рулем.

Просто...

– Что?

– Я попал в аварию, когда был маленький, и не люблю ездить в машине.

– О... извини.

– Нормально. Эй, сколько времени?

Клэр включает свет. На часах 00:12.

– Боже! Я опоздала. Как я покажусь, вся в крови?

Она выглядит такой растерянной, что я начинаю смеяться.

– Давай так. – Я провожу левой ладонью у нее над верхней губой и под носом. – У тебя кровь пошла носом.

– Хорошо. – Она заводит машину, включает фары, возвращается на дорогу. – Этта до смерти перепугается, когда увидит меня.

– Этта? А как же родители?

– Мама уже, наверное, спит, а папа сегодня ушел на покер. – Клэр открывает ворота, и мы проезжаем.

– Если бы мой ребенок уехал на машине в день получения водительских прав, я бы сидел на крыльце с секундомером.

Клэр останавливает машину так, чтобы из дома не было видно.

– А у нас дети есть?

– Извини, секретные данные.

– Я затребую их по закону «О свободе информации».

– Как пожелаешь. – Я осторожно целую ее, чтобы не размазать фальшивое кровотечение. – Сообщи, когда выяснишь. – Я открываю дверцу машины. – Удачи с Эттой.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Я выхожу из машины как можно тише. Машина скользит по дороге, за угол, и растворяется в ночи. Я иду следом в свою постель в долине под звездами.

27 сентября 1987 года, воскресенье (Генри 32, Клэр 16)

ГЕНРИ: Я материализуюсь в долине, около пятнадцати футов к западу от поляны. Чувствую себя ужасно, кружится голова, тошнит, поэтому несколько минут просто сижу и пытаюсь прийти в себя. Холодно и пасмурно, я опускаюсь в высокую бурую траву, которая врезается мне в кожу. Через некоторое время мне становится лучше; все тихо, я встаю и иду на поляну.

Клэр сидит на земле, у камня, опершись на него. Она ничего не говорит, просто смотрит на меня, и мне кажется, что со злостью. «Черт! – думаю я. – Что я натворил?» У нее сейчас период Грейс Келли³⁷; на ней голубое шерстяное пальто и красная юбка. Я дрожу и ищу коробку с одеждой. Нахожу ее, облачаюсь в черные джинсы, черный свитер, черные шерстяные носки, черную куртку, черные ботинки и черные кожаные перчатки. Я выгляжу так, как будто собрался сниматься в фильме Вендерса³⁸. Сажусь рядом с Клэр.

– Привет, Клэр. Ты в порядке?

– Привет, Генри. Держи. – Она протягивает мне термос и пару сэндвичей.

– Спасибо. Мне что-то нехорошо, я попозже съем. – Кладу сэндвичи на камень. В термосе кофе, я делаю глубокий вдох. Мне становится лучше уже от одного запаха. – Ты в порядке?

Она не смотрит на меня. Внимательно приглядевшись, я понимаю, что она плакала.

– Генри, ты можешь мне помочь?

– Чем?

– Я хочу сделать одному человеку очень больно, но я еще маленькая и драться не умею. Ты мне поможешь?

– Ух ты! О чем ты? Кого наказать? За что?

– Я не хочу об этом говорить, – отвечает она, уткнувшись взглядом в колени. – Тебе моего слова будет достаточно, что он полностью это заслуживает?

Думаю, я знаю, о чем речь; кажется, эту историю я уже слышал раньше. Я вздыхаю и подвигаюсь поближе к Клэр, обнимаю ее. Она облокачивается на мое плечо.

– Это ты о парне, с которым ходила на свидание, так?

– Да.

– И он повел себя как мудака, и ты хочешь, чтобы я его в порошок стер?

– Да.

– Клэр, многие парни ведут себя как мудаки, я и сам бывал таким мудаком...

– Спорю, – со смешком говорит Клэр, – что ты не был таким ужасным мудаком, как Джейсон Эверлей.

– Он футболист или что-то в этом роде, да?

– Да.

³⁷ Грейс Келли (1929–1982) – американская кинозвезда, снялась в 11 фильмах в 1951–1956 гг. (в том числе в упомянутом ниже «Окне во двор» Хичкока), после чего вышла замуж за принца Монако.

³⁸ Вим Вендерс (р. 1945) – выдающийся немецкий кинорежиссер, автор фильмов «Париж, Техас» (1984), «Небо над Берлином» (1987) и др.

– Клэр, почему ты думаешь, что я справлюсь со здоровым лосем, который вдвое меня моложе? Зачем ты вообще пошла с таким на свидание?

– Ну, – пожимает она плечами, – в школе все меня доставали, потому что я никогда не хожу на свидания. Рут, Мэг, Нэнси – то есть вокруг ходят дурацкие слухи, что я лесбиянка. Даже мама спрашивает, почему я не встречаюсь с мальчиками. Ребята меня приглашают, а я отказываюсь. И еще Беатрис Дилфорд, *настоящая* лесбиянка, спросила, лесбиянка я или нет. Я ответила: «Нет», и она сказала, что не удивлена, но что все так считают. Ну, я и подумала, что, может, правда повстречаться с несколькими парнями. Очередным парнем, который меня пригласил, был Джейсон. Он здоровый, симпатичный очень, и я знала, что, если встречу с ним, все сразу узнают, и подумала, что, может, тогда все заткнется.

– Так ты первый раз была на свидании?

– Да. Мы пошли в итальянский ресторан, и там были Лаура с Майклом и несколько человек из театрального класса; я предложила заплатить за себя, но он сказал, что никогда такого не допустит, все было нормально, в смысле, мы разговаривали о школе, всякой ерунде, футболе. Потом пошли на «Пятницу, тринадцатое», фильм седьмой, такая глупость, это на случай, если захочешь посмотреть.

– Я смотрел.

– Неужели? Странно. Не сказала бы, что это твой фильм.

– Причина та же – подружка хотела посмотреть.

– Кто твоя подружка?

– Ее звали Алекс.

– Какая она была?

– Банковская кассирша с огромными титьками, она любила, чтобы ее шлепали... – В ту секунду, когда слова соскакивают у меня с языка, я понимаю, что разговариваю с Клэр-подростком, а не со своей женой Клэр, и мысленно даю себе подзатыльник.

– Шлепали? – Клэр с улыбкой смотрит на меня, брови подняты на середину лба.

– Это ерунда. Итак, вы пошли в кино...

– О! Ну, потом он захотел поехать в Трэверс.

– Что это такое?

– Это ферма к северу отсюда. – Клэр говорит все тише, и я едва разбираю слова. – Туда ездят, чтобы... обжиматься... ну и всякое. – (Я молчу.) – Ну, я сказала, что устала и хочу домой, и тут он... как взбесился.

Клэр замолкает; какое-то время мы сидим, слушаем птиц, шум самолетов, ветер.

Внезапно Клэр произносит:

– Он *действительно* взбесился.

– И что потом?

– Он не отвез меня домой. Не знаю точно, где мы были: где-то на Двенадцатом шоссе, он просто ехал и ехал, по узким улочкам, господи, я не знаю. Он проехал по грязной дороге, и там стоял такой маленький коттедж. Там рядом было озеро, я слышала плеск воды. И у него были ключи от коттеджа.

Я начинаю нервничать. Клэр мне никогда этого не рассказывала, просто сказала, что как-то была на абсолютно кошмарном свидании с парнем по имени Джейсон и что он был футболистом.

Клэр снова замолкает.

– Клэр, он тебя изнасиловал?

– Нет. Сказал, что я... недостаточно хороша собой. Сказал... нет, не изнасиловал. Он просто... сделал мне больно. Заставил меня...

Она не может продолжать.

Я жду. Клэр расстегивает пальто и снимает его. Стаскивает рубашку, и я вижу, что спина у нее покрыта синяками. Они темные и пурпурные на фоне ее белой кожи. Клэр поворачивается, и я вижу на груди ожог от сигареты, вздувшийся и мерзкий. Как-то я спросил ее, откуда шрам, но она не ответила. Я убью этого парня. Я его инвалидом сделаю. Клэр сидит напротив меня, плечи опущены, вся в мурашках, и ждет. Я протягиваю ей рубашку, она ее надевает.

– Хорошо, – тихо говорю я. – Где можно его найти?

– Я тебя отвезу, – говорит она.

Я сажусь в ее «фиат» в конце подъездной дорожки, чтобы из дома не было видно. На ней темные очки, несмотря на пасмурный день, помада, волосы заколоты на затылке. На вид ей куда больше шестнадцати лет. Она выглядит, как будто вышла из «Окна во двор», хотя, будь она блондинкой, сходства было бы больше. Мы мчимся мимо осеннего леса, но не думаю, что я или она обращаем внимание на буйство красок. Отрезок пленки, показывающий, что произошло с Клэр в том маленьком коттедже, начал снова и снова прокручиваться в моей голове.

– Насколько он здоровый?

– На пару дюймов выше тебя, – прикидывает Клэр. – Намного тяжелее. Фунтов на пятьдесят?

– Господи.

– Я захватила вот это. – Клэр копается в сумочке и вытаскивает пистолет.

– Клэр!

– Это папин.

Я быстро все взвешиваю.

– Клэр, это плохая мысль. То есть я достаточно зол, чтобы пустить его в ход, но это будет глупо. Хотя, постой. – Беру у нее пистолет, вытаскиваю патроны и кладу ей в сумочку. – Вот так. Так-то лучше. Гениальная мысль, Клэр.

Она вопросительно смотрит на меня.

– Ты хочешь, чтобы я сделал это анонимно или чтобы он знал, что это от твоего имени?

– Я хочу присутствовать.

– Ясно.

Она заезжает на частную дорогу и останавливается.

– Я хочу куда-нибудь его увести. Хочу, чтобы ты ему сделал очень больно, а я буду смотреть. Хочу, чтобы он до смерти перепугался.

– Клэр, – вздыхаю я, – я обычно этим не занимаюсь. Обычно я дерусь, когда защищаюсь, и только тогда.

– Пожалуйста, – абсолютно отчужденно говорит она.

– Конечно.

Мы идем по дорожке и останавливаемся перед большим новым домом в колониальном стиле. Машин не видно. Из открытого окна на втором этаже гремит *Van Halen*. Мы подходим к передней двери, я встаю в сторонке, а Клэр нажимает кнопку звонка. Через секунду музыка резко обрывается, и кто-то тяжело спускается по лестнице. Дверь открывается, и после паузы низкий голос произносит: «Что? Пришла еще получить?» Это все, что мне нужно услышать. Я вытаскиваю пистолет и делаю шаг в сторону Клэр. Дуло смотрит в грудь парня.

– Привет, Джейсон, – говорит Клэр. – Я подумала, что ты с удовольствием прогуляешься с нами.

Он делает то же, что сделал бы на его месте я, – падает и откатывается, уходя от прицела. Но он движется не очень быстро. Я уже в дверях, подпрыгиваю, ударяю его в грудь, вышибая воздух. Встаю, ставлю ботинок ему на грудь, целясь в голову. Он смахивает на Тома Круза, симпатичный, настоящий американец.

– Кто он в команде?

– Полузащитник.

– Хм. Никогда бы не подумал. Вставай так, чтобы я руки видел, – радостно говорю ему я.

Он подчиняется, и я веду его из дома. Останавливаемся. У меня появляется мысль. Отсылаю Клэр в дом поискать веревку; она возвращается через несколько минут с ножницами и скотчем.

– Где ты хочешь это сделать?

– В лесу.

Джейсон тяжело дышит, пока мы ведем его в лес. Мы идем минут пять, и я вижу полянку, на краю которой растет подходящий молодой вяз.

– Может, здесь, Клэр?

– Пойдет.

Я смотрю на нее. Она абсолютно бесстрастная, холодная, как женщина-убийца из Раймонда Чандлера.

– Командуй, Клэр.

– Привяжи его к дереву.

Я отдаю ей пистолет, выкручиваю руки Джейсону, соединяя их за деревом, скручиваю руки скотчем. Скотча у меня почти целый рулон, и я намерен использовать его весь. Джейсон дышит напряженно, со свистом. Я отхожу от него и смотрю на Клэр. Она разглядывает Джейсона, как плохой пример концептуального искусства.

– У тебя астма?

Он кивает. Зрачки у него сузились, превратившись в две крошечные черные точки.

– Я принесу ингалятор, – говорит Клэр, передает мне пистолет и идет через лес по дорожке, по которой мы пришли.

Джейсон пытается дышать медленно и размеренно. Он хочет что-то сказать.

– Кто... кто ты такой? – хрипло спрашивает он.

– Я – друг Клэр. Я здесь, чтобы научить тебя хорошим манерам, раз их у тебя нет.

Тут я отбрасываю ехидный тон, подхожу к нему ближе и тихо говорю:

– Как ты мог такое с ней сделать? Она же такая молодая. Она ничего не знает, и ты просто все в ней убил...

– Она... дразнила меня.

– Не имея об этом понятия. Это все равно что мучить котенка, потому что он тебя укусил. Джейсон не отвечает. Дыхание его переходит в длинные дрожащие стоны. Только я начинаю волноваться, как появляется Клэр. Она держит в руке ингалятор и смотрит на меня.

– Дорогой, ты знаешь, как этой штукой пользоваться?

– Думаю, его надо потрясти, вставить ему в рот и нажать сверху.

Она это делает, спрашивает, нужно ли еще, он кивает. После четырех ингаляций мы стоим и наблюдаем, как к нему постепенно возвращается нормальное дыхание.

– Готова? – спрашиваю я Клэр.

Она берет ножницы, несколько раз щелкает ими в воздухе. Джейсон вздрагивает. Клэр подходит к нему, становится на колени и начинает разрезать на нем одежду.

– Эй! – вскрикивает Джейсон.

– Тише, не кричи, – говорю я. – Никто тебя не трогает. Пока.

Клэр заканчивает с джинсами и принимается за футболку. Я начинаю приматывать его скотчем к дереву. Начинаю с лодыжек, очень аккуратно приматываю икры и бедра.

– Остановись тут, – говорит Клэр, указывая чуть ниже паха Джейсона.

Стаскивает с него трусы. Я начинаю приматывать туловище. Кожа у него очень липкая, очень загорелая, кроме части, явно обозначенной линией плавок «Спидо». Он сильно потеет. Я приматываю грудь и плечи и останавливаюсь, понимая, что ему нужно чем-то дышать.

Мы отступаем немного и наслаждаемся делом своих рук. Джейсон напоминает мумию, заматанную в скотч, со здоровым стоящим членом. Клэр начинает смеяться. Ее смех звучит жутко, отражаясь эхом от деревьев. Я пристально смотрю на нее. В смехе Клэр есть какое-то знание и жестокость, и мне кажется, что это переходный момент, своего рода становление взрослой Клэр.

– Что дальше? – спрашиваю я.

Часть меня хочет сделать из него отбивную, а другая – отказывается бить человека, привязанного к дереву.

Джейсон пунцово-красный. На фоне серого скотча это выглядит изумительно.

– Эй, – говорит Клэр. – Знаешь, я думаю, с него хватит.

Я вздыхаю с облегчением, но, конечно, добавляю:

– Ты уверена? Ну, я могу много чего с ним сделать. Проткнуть ему барабанные перепонки? А может, нос сломать? А, нет, он у него уже и так был сломан. Мы можем ему ахилловы сухожилия перерезать. В ближайшем будущем он тогда точно в футбол играть не будет.

– Нет! – Джейсон пытается бороться со скотчем.

– Тогда извинись, – говорю я.

Джейсон колеблется:

– Извини...

– Какой вежливый...

– Постой, я знаю, – говорит Клэр.

Выуживает из сумочки маркер, подходит к Джейсону с таким видом, как будто он – опасное животное в зоопарке, и начинает что-то писать на его обмотанной скотчем груди. Закончив, отходит обратно и закрывает маркер. Она изложила отчет об их свидании.

Клэр кладет маркер в сумочку и говорит:

– Пойдем.

– Знаешь, мы не можем его просто тут бросить. У него опять приступ астмы будет.

– Хм. Хорошо, я знаю. Я кому-нибудь позвоню.

– Подожди минутку, – говорит Джейсон.

– Что? – спрашивает Клэр.

– Кому ты хочешь позвонить? Позвони Робу.

– Нет, – смеется Клэр. – Я позвоню всем девчонкам, которых знаю.

Я подхожу к Джейсону и приставляю дуло к горлу.

– Если скажешь о моем существовании хоть одной живой душе и я об этом узнаю, я вернусь и уничтожу тебя. И когда я уйду, ты не сможешь ни ходить, ни говорить, ни есть, ни трахаться. Насколько ты знаешь, Клэр – милая девчонка, которая по какой-то необъяснимой причине не ходит на свидания. Так?

– Так! – Джейсон с ненавистью смотрит на меня.

– Сегодня мы с тобой обошлись очень мягко. Еще раз хоть как-нибудь навредишь Клэр, пожалеешь.

– Хорошо.

– Молодец. – Я кладу пистолет обратно в карман. – Было весело.

– Слушай, мудила...

Да долбись оно все конем! Я отступаю на шаг и со всей силы бью его ногой в пах. Джейсон кричит. Я поворачиваюсь к Клэр, на ней под макияжем лица нет. По лицу Джейсона текут слезы. Интересно, он сознание потеряет или нет?

– Пойдем, – говорю я Клэр.

Она кивает. Мы молча идем к машине. Я слышу, как в спину орет Джейсон. Мы садимся в машину, Клэр заводит двигатель, разворачивается и вылетает на дорогу.

Я смотрю, как она ведет машину. Начинается дождь. В уголках ее губ играет удовлетворенная улыбка.

– Ты этого хотела? – спрашиваю я.

– Да. Это было изумительно. Спасибо.

– Не за что. – Начинает кружиться голова. – Кажется, мне пора.

Клэр сворачивает с дороги. Дождь стучит по крыше машины. Это как ехать через автомойку.

– Поцелуй меня, – требует она.

Я целую и исчезаю.

28 сентября 1987 года, понедельник (Клэр 16)

КЛЭР: В понедельник в школе все тарашат на меня глаза, но не заговаривают. Я чувствую себя как шпионка Гарриет, после того как одноклассники нашли ее шпионские записи³⁹. Пройтись по коридору – все равно что пересечь расступающееся Красное море. Когда я захожу на английский, первый урок, все замолкают. Сажусь рядом с Рут. Она улыбается и выглядит взволнованной. Я ничего не говорю, затем чувствую ее руку под партой – горячую и маленькую. Рут секунду держит меня за руку, потом в класс входит мистер Партаки, и она отпускает мою руку, и мистер Партаки замечает, что все непривычно тихие. Он спокойно говорит:

– Как прошли выходные?

– О, *отлично*, – отвечает Сью Уонг, и по классу проносится нервный смешок.

Партаки озадачен, наступает ужасная пауза.

Потом он говорит:

– Вот и хорошо, тогда обратим внимание на «Билли Бадда». В тысяча восемьсот пятьдесят первом году Герман Мелвилл опубликовал роман «Моби Дик, или Белый Кит», который был встречен поразительным равнодушием американских читателей...

Я слушаю, но ничего не понимаю. Даже несмотря на хлопчатобумажную майку, мне кажется, что свитер жесткий, как наждачная бумага, ребра болят. Одноклассники с трудом продираются через обсуждение «Билли Бадда». Наконец звенит звонок, и все выбегают из класса. Я медленно иду следом. Ко мне подходит Рут.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

– В общем, да.

– Я сделала, как ты велела.

– Когда?

– Около шести. Я побоялась, что его родители приедут домой и найдут его. Его было трудно отвязать. Скотч ему все волосы на груди выдрал.

– Это хорошо. Его много людей видели?

– Да, все. Ну, все девчонки. Парней, насколько я знаю, не было.

В коридорах почти никого нет. Мы стоим напротив кабинета французского языка.

– Клэр, я понимаю, *почему* ты это сделала, но я не понимаю, *как* ты это сделала.

– Мне помогли.

Звенит звонок, и Рут подпрыгивает.

– Боже! Я уже пятый раз в спортивный зал опаздываю! – Она отходит от меня, как будто ее притягивает сильное магнитное поле. – Расскажешь мне за обедом! – кричит Рут, когда я поворачиваюсь, чтобы идти в кабинет мадам Симоны.

³⁹ Речь о детской книге «Шпионка Гарриет» (1964) Луизы Фитцхью (1928–1974); уже в 1996 г. вышла экранизация.

– *Ah, Mademoiselle Abshire, asseyez-vous, s'il vous plait!*⁴⁰

Я сажусь между Лаурой и Хелен. Хелен пишет мне записку: «Молодец». Класс переводит Монтеня. Мы работаем тихо, и мадам ходит по кабинету, исправляя ошибки. Мне трудно сосредоточиться. Вспоминаю выражение лица Генри, когда он ударил Джейсона: абсолютно безразличное, как будто он только что пожал ему руку, как будто он ни о чем особенно и не думал; и потом он беспокоился, потому что не знал, как я отреагирую, и я поняла, что ему нравится издеваться над Джейсоном, но ведь Джейсону нравилось издеваться надо мной, а разве это не то же самое? Но Генри хороший. Значит, все в порядке? Это нормально, что я хотела, чтобы он это сделал?

– *Clare, attendez*⁴¹, – говорит мадам, становясь рядом.

После звонка все снова выбегают из класса. Я иду с Хелен. Лаура сконфуженно обнимает меня и убегает на занятия по музыке в другое крыло здания. У нас с Хелен третий урок – в спортивном зале.

– Ну ты даешь, черт возьми, – смеется Хелен. – Я глазам не поверила. Как ты его привязала к дереву?

Я понимаю, что вскоре этот вопрос мне надоест.

– У меня есть друг, который делает подобные вещи. Он просто помог мне.

– Кто он такой?

– Клиент моего отца, – вру я.

– Ты не умеешь врать, – качает головой Хелен.

Я улыбаюсь и ничего не отвечаю.

– Это Генри, да?

Я трясую головой и прикладываю палец к губам. Мы пришли в женскую раздевалку. Проходим к шкафчикам, и – *абракадабра!* – все девочки перестают разговаривать. Наступает тишина, ни намек на шум и болтовню, обычно наполняющие комнату. У нас с Хелен шкафчики один над другим. Открываю свой и достаю спортивный костюм и кроссовки. Я продумала то, что собираюсь сделать сейчас. Раздеваюсь до трусиков. Лифчика на мне нет, потому что все слишком болит.

– Эй, Хелен, – говорю я и поворачиваюсь.

– Боже мой, Клэр!

Синяки выглядят еще хуже, чем вчера. Некоторые из них отливают зеленым. На бедрах рубцы от ремня Джейсона.

– О Клэр! – Хелен подходит ко мне и осторожно обнимает.

В комнате по-прежнему тишина, я смотрю через плечо Хелен и вижу, что все девочки собрались вокруг нас, все смотрят.

Хелен выпрямляется, смотрит на них и говорит:

– Ну?

И кто-то сзади начинает хлопать, все аплодируют, смеются, кричат, веселятся, и я чувствую себя легкой, легкой как воздух.

12 июля 1995 года, среда (Клэр 24, Генри 32)

КЛЭР: Лежу в постели, почти сплю, когда на мой живот плюхается рука Генри, и я понимаю, что он вернулся. Открываю глаза, он наклоняется ко мне и целует маленький шрам от сигаретного ожога, и в тусклом ночном свете я дотрагиваюсь до его лица.

⁴⁰ Ах, мадемуазель Эбшир, садитесь, пожалуйста! (*фр.*)

⁴¹ Клэр, подожди (*фр.*).

- Спасибо, – говорю я.
- Не за что, – отвечает он, и мы впервые говорим об этом.

11 сентября 1988 года, воскресенье (Генри 36, Клэр 17)

ГЕНРИ: Мы с Клэр во фруктовом саду теплым сентябрьским днем. В долине под золотыми лучами солнца жужжат насекомые. Стоит полное безветрие, и я смотрю сквозь сухую траву, как воздух колышется от зноя. Мы под яблоней. Клэр облокотилась на сумку с подушкой, чтобы корни дерева не были такими жесткими. Я лежу вытянувшись, головой на ее колени. Мы поели, и остатки обеда валяются вокруг, вперемешку с опавшими яблоками. Я сонный и довольный. В моем настоящем сейчас январь, и мы с Клэр ссоримся. Эта летняя интерлюдия кажется идиллией.

- Я хочу нарисовать тебя вот таким, – говорит Клэр.
- Вверх ногами и сонного?
- Расслабленного. Ты выглядишь так умиротворяюще.
- Почему бы и нет?
- Хорошо.

В первую очередь мы здесь потому, что Клэр нужно изобразить деревья для занятий по рисованию. Она берет альбом и вытаскивает уголь. Укладывает альбом на колени.

- Хочешь, чтобы я перелег? – спрашиваю я.
- Нет, все сразу изменится. Оставайся как есть, хорошо?

Я продолжаю лениво разглядывать узоры из ветвей на фоне неба.

Неподвижность – это дисциплина. Я могу долго не двигаться, когда читаю, но позировать Клэр всегда на удивление трудно. Даже положение, которое сначала кажется удобным, через пятнадцать минут становится мучительным. Не поворачивая головы, я смотрю на Клэр. Она вся в работе. Когда Клэр рисует, она выглядит так, как будто мир вокруг исчез, оставив только ее и объект ее интереса. Поэтому мне нравится позировать Клэр: когда она смотрит на меня так внимательно, я чувствую, что я для нее – всё. Точно так же она смотрит на меня, когда мы занимаемся любовью. Как раз сейчас она смотрит мне в глаза и улыбается.

- Я забыла спросить: откуда ты пришел?
- Январь двухтысячного.
- Правда? – У нее лицо вытягивается. – Я думала, что дальше.
- Почему? Я такой старый?

Клэр гладит меня по носу. Пальцы путешествуют по переносице и бровям.

– Нет, но ты такой счастливый и спокойный, а обычно, когда ты приходишь из девяносто восьмого, девяносто девятого или двухтысячного, ты расстроенный или напуганный и не говоришь почему. А когда ты из две тысячи первого, все в порядке.

– Ты говоришь как предсказательница судьбы, – смеюсь я. – Я никогда не думал, что ты так внимательно отслеживаешь мои настроения.

– А что мне еще остается?

– Ты же знаешь, что обычно сюда к тебе меня вызывает стресс. Поэтому не думай, что все эти годы наполнены для меня жутким кошмаром. Там есть и много приятного.

Клэр возвращается к наброску. Она перестала спрашивать меня о будущем. Вместо этого говорит:

– Генри, чего ты боишься?

Вопрос меня удивляет, я задумываюсь, прежде чем ответить.

– Холода, – говорю я. – Я боюсь зимы. Боюсь полиции. Боюсь попасть не в то время и не в то место, туда, где меня собьет машина или избьет кто. Или что застряну во времени и не смогу вернуться. Боюсь потерять тебя.

– Как ты можешь потерять меня? – смеется Клэр. – Я же никуда не деваюсь.

– Я боюсь, что тебя достанут эти мои метания и ты меня бросишь.

Клэр откладывает в сторону альбом. Я сажусь.

– Я тебя никогда не брошу, – говорит она, – даже несмотря на то, что ты меня всегда бросаешь.

– Но я никогда не хочу бросать тебя.

Клэр показывает мне набросок. Я видел его раньше, он висит в мастерской Клэр, в нашем доме, рядом с ее рабочим столом. На рисунке я такой спокойный. Клэр подписывает его и собирается ставить дату.

– Не надо, – говорю я. – На нем нет даты.

– Нет?

– Я видел его раньше. Даты нет.

– Хорошо. – Клэр стирает дату и вместо этого пишет: «Медоуларк». – Готово. – Она озадаченно смотрит на меня. – Ты никогда, возвращаясь в настоящее, не замечал, что что-то изменилось? В смысле, если бы я написала сейчас дату? Что бы произошло?

– Не знаю. Попробуй.

Мне самому любопытно. Клэр стирает слово «Медоуларк» и пишет: «11 сентября 1988 года».

– Вот так, – говорит она. – Это было нетрудно.

Мы смотрим друг на друга, ужасно довольные.

– Даже если я нарушила пространственно-временное равновесие, это не очень заметно, – смеется Клэр.

– Я скажу тебе, если окажется, что ты стала причиной Третьей мировой войны.

Меня начинает трясти.

– Кажется, я ухожу, Клэр.

Она целует меня, и я исчезаю.

13 января 2000 года, четверг (Генри 36, Клэр 28)

ГЕНРИ: После обеда я все еще думаю о рисунке Клэр, поэтому иду в ее мастерскую взглянуть. Клэр делает большую скульптуру из крошечных кусочков пурпурной бумаги; это что-то среднее между тряпичной куклой и птичьим гнездом. Я осторожно обхожу ее и становлюсь напротив ее стола. Рисунка нет.

Подходит Клэр, держа полную пригоршню манильской пеньки.

– Привет. – Она бросает все на пол и подходит ко мне. – Что случилось?

– Где рисунок, который раньше висел здесь? Там я нарисован.

– Что? А, не знаю. Может, упал. – Клэр ныряет под стол. – Что-то не видно. А, подожди, вот он. – Она появляется, держа рисунок двумя пальцами. – Фу, весь в паутине.

Она протирает его и дает мне. Я смотрю на него. Даты нет.

– А где дата?

– Какая дата?

– Ты внизу написала дату, вот тут. Под подписью. Кажется, она стерта.

– Ладно, – смеется Клэр. – Каюсь. Я ее стерла.

– Почему?

– Меня напугало твое замечание о Третьей мировой. Я начала думать: а что, если мы никогда не встретимся в будущем, потому что я настояла на этом эксперименте?

– Я рад, что ты это сделала.

– Почему?

– Не знаю. Просто рад.

Мы смотрим друг на друга, Клэр улыбается, я пожимаю плечами, и все. Но почему у меня такое ощущение, как будто невероятное почти случилось? Почему я чувствую такое облегчение?

Канун Рождества, часть первая (постоянно разбиваясь на одной и той же машине)⁴²

24 декабря 1988 года, суббота
(Генри 40, Клэр 17)

ГЕНРИ: Темный зимний день. Я в подвале Медоуларка, в читальном зале. Клэр оставила мне поесть: ростбиф и сыр на куске цельного белого хлеба с горчицей, яблоко, кварта молока и большой пластиковый пакет рождественских кексов, снежков, коричне-ореховых треугольников и арахисовых, с прилепленными шоколадными сердечками. На мне мои любимые джинсы и футболка *Sex Pistols*. Я должен быть счастливым, но увы: Клэр также оставила мне сегодняшний выпуск «Саут-Хейвен-дейли», датированный 24 декабря 1988 года. Канун Рождества. В этот вечер в баре «Гет Ми Хай»⁴³ в Чикаго мой двадцатипятилетний двойник напьется до такой степени, что свалится с табурета у стойки на пол и ему промоют желудок в больнице «Мерси». Сегодня девятнадцатая годовщина смерти моей матери.

Тихо сижу и думаю о маме. Забавно, как стирается память. Если бы у меня были только детские воспоминания, мои знания о ней были бы бледными и расплывчатыми, с несколькими яркими моментами. Когда мне было пять лет, я слышал, как она пела партию Лулу в Лирик-опере. Помню, как рядом со мной сидел отец, улыбаясь маме в конце первого акта, в полном восторге. Помню, как сидел с мамой в Оркестр-холле, глядя, как отец играет Бетховена в оркестре Булеза⁴⁴. Помню, как мне позволили прийти в гостиную, когда у родителей были гости, и прочитать вслух «Тигр, о тигр, светло горящий в глубине полночной чаши» Блейка⁴⁵, взрыкивая по-тигриному в паузах; мне было четыре, и когда я закончил, мама схватила меня в объятия и поцеловала, и все аплодировали. У нее на губах была темная помада, и я настоял, чтобы идти спать с отпечатком на щеке. Помню, как она сидела на скамейке в Уоррен-парке, папа качал меня на качелях, и она то приближалась, то отдалялась, то приближалась, то отдалялась.

Одной из лучших и самых горьких возможностей моих путешествий во времени было видеть маму живой. Я даже несколько раз говорил с ней; просто пара фраз: «Паршивая погода сегодня, не так ли?» Я уступал ей место в метро, шел за ней в супермаркет, смотрел, как она поет. Болтался около дома, где до сих пор живет мой отец, и смотрел, как они – и иногда я в детстве вместе с ними – гуляют, ходят в рестораны, в кино. Это шестидесятые, они молодые, элегантные, великолепные музыканты, перед ними простирается целый мир. Они счастливы, они светятся успехом, радостью. Когда мы случайно сталкиваемся на улице, они машут мне рукой, думая, что я живу по соседству, люблю подолгу гулять, ношу странную прическу, таинственно исчезаю на какое-то время и меняю возраст. Однажды я слышал, как отец предположил, что у меня рак. До сих пор поражаюсь, но он так и не понял, что человек, болтающийся рядом в первые годы его женитьбы, – это его сын.

Я вижу свою маму и себя. Вот она беременная, вот они приносят меня из родильного дома, вот она ведет меня гулять в коляске и сидит, учит партитуры, тихонько напевая мне, качает рукой в такт, трясет надо мною игрушками. Вот мы идем за ручку и смотрим на белок, голубей, автомобили, на все, что движется. На ней пальто и мокасины, брюки капри. Темные

⁴² «Always Crashing in the Same Car» – песня Дэвида Боуи с альбома «Low» (1977).

⁴³ Get Me High (англ.) – доставьте мне кайф.

⁴⁴ Пьер Булез (р. 1925) – видный французский композитор и дирижер.

⁴⁵ Перевод С. Маршака.

волосы обрамляют яркое лицо с полными губами и широко расставленными глазами; короткая стрижка; она похожа на итальянку, хотя на самом деле еврейка. Помада, подводка для глаз, тушь для ресниц, румяна и карандаш для бровей – макияж, чтобы пойти в прачечную. Папа такой, как всегда: высокий, худой, одет неброско, в шляпе. Только лицо другое. Счастливое. Они дотрагиваются друг до друга, держатся за руки, идут в ногу. На пляже у нас троих одинаковые темные очки, на мне идиотская голубая панамка. Мы лежим на солнце, намазавшись детским кремом. Пьем ром, колу и гавайский пунш.

Звезда моей матери разгорается ярче. Учится у Джейан Мек и Мэри Делакура, которые осторожно ведут ее по тропинке славы; исполняет несколько небольших, но блестящих партий, привлекая внимание Луи Блэра из Лирик-оперы. Замещает Лини Уэверли в «Аиде». Потом получает предложение спеть Кармен. Другие компании замечают ее, и вскоре мы путешествуем по всему миру. Записывает Шуберта для «Декки», Верди для ЕМІ, и мы едем в Лондон, Париж, Берлин, Нью-Йорк. Помню только бесконечную череду гостиничных номеров и самолетов. Ее выступление в Линкольн-центре транслируют по телевидению; я смотрю его с бабушкой и дедушкой в Манси. Мне шесть, и я едва могу поверить, что это мама, там, на маленьком черно-белом экране. Она поет партию мадам Баттерфляй. Они планируют переехать в Вену после завершения сезона 1969/70 года в Лирик-опере. Папа проходит прослушивание в филармонии. Когда бы ни звонил телефон, это или дядя Иш, мамин менеджер, или кто-нибудь со студии грамзаписи.

Слышу, как открывается и захлопывается дверь наверху, медленные шаги вниз по лестнице. Клэр тихо стучит четыре раза, и я отодвигаю стул с прямой спинкой, подпирающий дверную ручку. У нее в волосах еще не растаял снег, щеки красные. Ей семнадцать лет. Клэр обнимает меня и взволнованно целует.

– С Рождеством, Генри! – говорит она. – Как здорово, что ты здесь!

Я целую ее в щеку; ее радость и суета распугали мои мысли, но ощущение грусти и утраты не уходит. Провожу рукой по ее волосам, на ладони остаются снежинки, которые моментально тают.

– Что случилось? – Клэр замечает нетронутую еду и мой невеселый вид. – Ты сердишься, что нет майонеза?

– Тише, тише.

Я сажусь на сломанную старую козетку, и Клэр втискивается рядом. Я обнимаю ее за плечи, она кладет руку на внутреннюю сторону моего бедра. Я убираю руку и держу ее. Рука холодная.

– Я тебе никогда не рассказывал о своей матери?

– Нет.

Клэр вся превращается в слух; она всегда жаждет узнать очередной кусочек моей биографии.

Встреч из списка остается все меньше, а наша двухлетняя разлука становится все ближе, и Клэр втайне убеждена, что сможет найти меня в реальном времени, если только я набросаю ей немного фактов. Конечно, она этого не сможет, потому что я не набросаю, так что не найдет.

Мы едим кексы.

– Хорошо. Когда-то у меня была мама. И папа тоже был, и они очень друг друга любили. И у них был я. Мы все были очень счастливы. Они оба были отличными профессионалами, особенно мама, и мы много путешествовали, жили во всевозможных отелях. И вот, было Рождество...

– В каком году?

– Мне было шесть. Было утро перед Рождеством, папа был в Вене, потому что мы собирались вскоре переехать туда, и он искал нам квартиру. Мы рассчитывали, что папа прилетит

в аэропорт, а мы с мамой поедem и заберем его и все вместе отправимся к бабушке на праздники... Было серое снежное утро, все улицы были во льду и еще не посыпаны солью. Мама была нервным водителем. Она ненавидела автострады, ненавидела дорогу к аэропорту и согласилась на это только потому, что так было удобнее всего. Мы встали рано, она сложила сумки в машину. На мне было зимнее пальто, вязаная шапка, ботинки, джинсы, пуловер, подштанники, шерстяные носки, немного тесноватые, и варежки. Она оделась во все черное, а тогда это выглядело более необычно, чем сейчас.

Клэр отпивает молоко прямо из пакета. На нем остается отпечаток светло-коричневой помады.

– А какая была машина?

– Белый «форд-фэрлейн» шестьдесят второго года.

– Что это такое?

– Посмотри в справочнике. Он был как танк. С «плавниками», все дела. Родители его любили – для них он был связан со многими событиями. В общем, мы сели в машину. Я сидел на переднем сиденье, оба пристегнуты ремнями. И мы поехали. Погода была просто отвратительная. Видимость плохая, а разморозка для стекол не самая лучшая. Мы пробрались через лабиринт жилых улиц и оказались на магистрали. Час пик уже закончился, но машин было полно, из-за погоды и праздников. Мы ехали, может, пятнадцать, может, двадцать миль в час. Мама шла в правом ряду и не перестраивалась. Может, не хотела рисковать при плохой видимости, а может, потому, что скоро уже был наш поворот на аэропорт. Мы ехали за грузовиком, довольно далеко, места между нами было достаточно. Когда мы проехали выезд на магистраль, за нами пристроился красный «корвет». За рулем «корвета» был дантист, немного нетрезвый, и это в половине одиннадцатого утра. Он просто слишком быстро ехал перед поворотом и из-за льда не смог как следует снизить скорость и врезался в нашу машину. При обычных погодных условиях «корвет» бы помялся, а на непробиваемом «форде» просто погнулось бы крыло и ничего особенного бы не произошло. Но погода была плохая, дорога скользкая, поэтому удар «корвета» придал ускорение нашей машине в тот момент, когда транспорт перед нами начал тормозить. Грузовик впереди еле двигался. Мама ударила по тормозам, но без толку. Мы врезались в грузовик практически как в замедленной съемке, или просто мне так казалось. В реальности мы ехали где-то сорок миль в час. Грузовик был открытым «пикапом», полным металлических обрезков. Когда мы в него врезались, большой стальной лист вылетел из грузовика, пробил наше ветровое стекло и отрубил маме голову.

– О нет! – Клэр закрывает глаза.

– Это правда.

– Но ты был там... а, ты был слишком маленький!

– Нет, не был, сталь врезалась в мое сиденье прямо там, где должен был быть мой лоб. У меня шрам остался в том месте, куда попал лист. – Я показываю Клэр шрам. – Шапка порвалась. Полиция не поняла, что случилось. Вся моя одежда была в машине, на сиденье и на полу, а меня нашли абсолютно голым у дороги.

– Ты переместился во времени.

– Да. Я исчез. – Секунду мы молчим. – Это случилось со мной всего во второй раз. Я понятия не имел, что происходит. Я видел, как мы врезаемся в грузовик, и потом оказался в больнице. На самом деле со мной ничего не случилось, просто шок был.

– Как... почему это случилось, что думаешь?

– Стресс, неподдельный страх. Думаю, мой организм прореагировал единственным возможным для него образом.

– И... – Клэр поворачивает ко мне лицо, грустное и взволнованное.

– Да... Мама погибла, а я – нет. Передняя половина «форда» смялась, руль проломил маме грудь, голова отлетела через выбитое ветровое стекло в грузовик, и крови было про-

сто море. Парень в «корвете» не получил ни царапины. Водитель грузовика вылез из кабины посмотреть, что случилось, увидел маму, упал на дорогу в обморок, и его переехал школьный автобус, водитель которого не видел тела на асфальте, уставившись на аварию. У водителя грузовика обе ноги были переломаны. А я в то время отсутствовал – десять минут и сорок семь секунд. Я не помню, где я был. Может, для меня прошла секунда-другая. Движение замерло окончательно. Машины «скорой помощи» пытались подъехать с трех различных направлений и не могли добраться до нас полчаса. Врачи подбежали пешком. Я очутился на обочине. Единственный человек, который видел, как я появился, была маленькая девочка; она сидела на заднем сиденье большого зеленого «шевроле». У нее рот открылся, и она просто таращи-лась на меня, не сводя глаз.

– Но... Генри, ты же... ты говорил, что ничего не помнишь. Как же ты узнал? Ну, про десять минут сорок семь секунд? Откуда такая точность?

Я молчу, подыскивая правильные слова, чтобы объяснить.

– Ты знаешь о гравитации, да? Чем что-то больше, чем больше масса, тем сильнее действует притяжение. Большие вещи притягивают маленькие, и они вращаются вокруг как по орбите?

– Да...

– Мама умирает... это центр всего... все вращается вокруг... Я думаю об этом – и я попадаю в этот момент. Снова и снова. Если попадешь туда, если зависнешь над всей сценой аварии, разглядишь каждую деталь, всех людей, машины, деревья, сугробы – если сумеешь рассмотреть абсолютно все, то увидишь меня. Я в машинах, за кустами, на мосту, на дереве. Я видел это со всех углов, я даже участвовал в том, что было дальше: позвонил в аэропорт с ближайшей заправки, попросил, чтобы моему отцу сразу же сказали ехать в больницу. Я сидел в приемной больницы и видел, как отец пришел за мной. Он серый и опустошенный. Я шел по обочине, ждал, когда появлюсь, накрывал одеялом свои худые плечи. Я смотрел в свое маленькое непонимающее лицо, и я думал... думал...

Я начинаю плакать. Клэр обнимает меня, и я плачу беззвучно, уткнувшись в ее обтянутую мохеровым свитером грудь.

– Что? Генри, что?

– Я думал: «Я тоже должен был умереть».

Мы сидим в обнимку. Я постепенно прихожу в себя. Свитер Клэр испорчен. Она идет в прачечную комнату и возвращается в белой полиэфирной блузке, в которой Алисия играет камерную музыку. Алисии всего четырнадцать, но она уже выше и полнее Клэр. Я смотрю на Клэр, стоящую передо мной, и жалею, что оказался тут, испортил ей Рождество.

– Извини, Клэр. Я не хотел все это на тебя свалить. Просто Рождество – это... трудно.

– О Генри! Я так рада, что ты здесь, хорошо, что ты рассказал мне, – в смысле, знаешь, ты приходишь ниоткуда и потом исчезаешь, и если я что-то знаю о тебе, о твоей жизни, ты кажешься... реальнее. Даже ужасные вещи... Мне нужно знать все, что ты хочешь рассказать мне.

Алисия из дома зовет Клэр. Ей пора возвращаться к семье, отмечать Рождество. Я встаю, мы осторожно целуемся, Клэр кричит: «Иду!» – улыбается мне и взбегает по ступеням. Я подпираю дверь стулом и устраиваюсь на долгую ночь.

Канун Рождества, часть вторая

24 декабря 1988 года, суббота
(Генри 25)

ГЕНРИ: Я звоню отцу и спрашиваю, хочет ли он, чтобы я приехал на ужин после дневного рождественского концерта. Он делает неискреннюю попытку обрадоваться, но я, к его облегчению, отмазываюсь. В этом году Официальный День Траура семьи Детамбль пройдет в разных местах. Миссис Ким уехала в Корею навестить сестру; я поливаю ее цветы и забираю почту. Я звоню Ингрид Кармайл и предлагаю встретиться, и она мне напоминает, довольно жестко, что сегодня канун Рождества и у некоторых людей есть семьи, с которыми нужно считаться. Я пробегаю взглядом страницы записной книжки. В городе никого не осталось или остались, но разбрелись по родственникам. Нужно было поехать к бабушке с дедушкой. Тут вспоминаю, что они во Флориде. Почти три часа дня, лавки начинают закрываться. «У Эла» покупаю бутылку шнапса и запикиваю ее в карман пальто. Потом запрыгиваю в вагон метро на Белмонт и еду по центру города. День серый и холодный. В вагоне довольно свободно, едут в основном родители с детьми, смотреть на рождественские окна «Маршалла Филда» и докупать что-то в последний момент в «Уотер-Тауэр-Плейс». Схожу на Рэндольф и иду на восток к Грант-парку. Ненадолго останавливаюсь на мосту над железной дорогой, пью и иду к катку. Катаются несколько парочек и маленькие дети. Дети гоняются друг за другом, пробуют кататься спиной вперед и выписывают восьмерки. В окошке выдачи мне находят коньки более или менее моего размера, и я тоже выхожу на лед. Катаюсь по периметру катка, гладко и стараюсь ни о чем не думать. Повтор, движение, баланс, холодный воздух. Хорошо. Солнце садится. Я катаюсь час или около того, потом сдаю коньки, натягиваю ботинки и ухожу.

Я иду на запад по Рэндольф, на юг по Мичиган-авеню, мимо Института искусств. Львы украшены рождественскими гирляндами. Иду по Коламбус-драйв. Грант-парк пуст, только вороны важно вышагивают и кружатся в сумерках над синим снегом. Фонари окрашивают небо над головой оранжевым; над озером небо насыщенного синего цвета. Я стою у Букингемского фонтана, пока холод не становится невыносимым, смотрю на чаек, как они кружатся и пикируют, дерутся из-за брошенной им буханки хлеба. Конные полицейские медленно объезжают фонтан по кругу и спокойно отправляются дальше, в южную часть парка.

Я иду. Ботинки промокли, и, несмотря на несколько свитеров, пальто немного тонковато для понижающейся температуры. Жира на мне мало; с ноября по апрель я стабильно мерзну. Иду по Харрисон, к Стейт-стрит. Прохожу Пасифик-Гарден-Мишн, вокруг которого, в поисках тепла и еды, собрались нищие. Интересно, что у них на обед? А что-нибудь рождественское для них устраивается? Проезжает несколько машин. Часов у меня нет, но думаю, сейчас около семи. Недавно я заметил, что у меня другое ощущение времени; мне кажется, что оно течет медленнее, чем на самом деле. Для меня вечер – это как сутки; поездка в метро может быть эпическим путешествием. Сегодня состояние сносное. Я сегодня умудрился большую часть дня особенно не думать о маме, об аварии, обо всем этом... но сейчас, вечером, пока гулял, все это нагнало меня.

Я понимаю, что хочу есть. Алкоголь выветрился. Я почти у «Адама» и, мысленно подсчитав имеющиеся при себе наличные, решаю потратиться на ужин в «Бергхоффе», достойном немецком ресторане, славящемся своим отменным пивом.

Здесь тепло и шумно. Людей довольно много, кто-то ест, кто-то стоит в очереди. Легендарные официанты «Бергхоффа» важно проносятся от кухни к столикам. Стою в очереди среди оживленных семейств и парочек. Оттаиваю. Наконец меня проводят к маленькому сто-

лику в главном зале, у стены. Заказываю темное пиво и тарелку утиных колбасок со специями. Приносят заказ, начинаю медленно есть. Подбираю весь хлеб, думая о том, что обеда сегодня не упомяну. Это хорошо, я забочусь о себе, я не дурак, я вспомнил, что нужно поужинать. Откидываюсь на стуле и обозреваю зал. Под высоким потолком, темными филенками и фресками с лодками обедают пары среднего возраста. Они весь вечер ходили по магазинам или слушали симфонию и теперь радостно разговаривают о купленных подарках, своих близких, билетах на самолет, ужине, Моцарте. Мне ужасно хочется попасть сегодня на симфонию, но вечером ничего нет. Наверное, отец сейчас возвращается домой из Оркестр-холла. Я бы сел на самый верхний ряд самого верхнего балкона (с акустической точки зрения – лучшее место) и слушал бы «Песнь о земле», или Бетховена, или что-нибудь такое же не рождественское. Хорошо бы. Может, на следующее Рождество. Внезапно все рождественские праздники выстраиваются передо мною в ряд, и все их нужно пережить. Меня затапливает отчаяние. Нет. На секунду хочется, чтобы время унесло меня отсюда в какой-нибудь более легкий день. Но потом мне становится стыдно за трусливую мысль избежать грусти; мертвым нужно, чтобы мы их помнили, даже если это съедает нас, даже если мы всего лишь можем повторять: «Прости», пока это не потеряет какой-либо смысл. Я не хочу омрачать этот теплый праздничный ресторан грустью, когда в следующий раз окажусь здесь с бабушкой и дедушкой, поэтому расплачиваюсь и ухожу.

Оказавшись вновь на улице, начинаю размышлять. Домой идти не хочу. Я хочу быть с людьми, хочу отвлечься. Внезапно на ум приходит бар «Гет Ми Хай», место, где может произойти все, что угодно, просто рай для эксцентрических выходок. Замечательно. Я иду к «Уотер-Тауэр-Плейс» и сажусь на шестьдесят шестой автобус на Чикаго-авеню, схожу на Дамен и пересаживаюсь на пятидесятый номер на север. В автобусе пахнет рвотой, из пассажиров только я. Водитель мягким церковным тенором напевает «Тихую ночь», и, сходя на Уэбансине, я желаю ему счастливого Рождества. Когда иду мимо «Фикс-ит», начинается снегопад, и я ловлю большие влажные хлопья кончиками пальцев. Слышу, как из бара просачивается музыка. Заброшенный железнодорожный виадук призрачно выступает над улицей из натриевого сияния, и, как только я открываю дверь бара, кто-то начинает играть на трубе и горячий джаз ударяет меня прямо в грудь. Я захожу в него как в пучину, и это то, что мне нужно.

Здесь всего человек десять, включая Мию, барменшу. Три музыканта: труба, контрабас и кларнет – ютятся на крошечной сцене, а все посетители сидят за стойкой. Музыканты яростно играют, выжимая максимальную громкость, как звуковые дервиши. Прислушавшись, я угадываю в мелодии «Белое Рождество». Мия подходит и смотрит на меня. Я изо всех сил кричу:

– Виски с водой!

– Большой?

– Да!

Она отворачивается смешать напиток. Внезапно музыка смолкает. Звонит телефон, Мия хватается трубку и орет:

– «Гет Ми Хааааааааааааай»!

Она ставит передо мной стакан, я кладу на стойку двадцатку.

– Нет, – говорит она в трубку. – Ну, черт... Ну и хрен с тобой тоже.

Швыряет трубку обратно, как будто забивая мяч в баскетболе. Пару секунд стоит, пытаюсь совладать с досадой, потом закуривает «Пэл-мэл» и выдыхает мне в лицо большой клуб дыма.

– О, извини.

Музыканты дружно подсаживаются за стойку, и она идет налить им пива. Дверь в туалет находится на сцене, и я, пользуясь случаем, иду отлить. Когда возвращаюсь, Мия ставит передо мною еще одну порцию.

– Ты ненормальная, – говорю я.

– А ты дохляк. – Она выставляет свою пепельницу и ныряет под стойку, что-то обдумывая. – Что потом делаешь?

Я прикидываю варианты. Пару раз я шел домой с Мией, с ней весело, и все такое, но сейчас у меня неподходящее настроение для случайных связей. С другой стороны, теплое тело под боком – не худший вариант, когда настроение ни к черту.

– Собираюсь надраться. А ты что предлагаешь?

– Ну, если ты надерешься не слишком сильно, мог бы заглянуть ко мне, а потом, если не помрешь и проснешься утром, мог бы оказать мне громадную услугу: пойти на рождественский обед к моим родителям в Гленкоу и отзывать на имя Рейф.

– Господи, Мия. Мне хочется сдохнуть при одной только мысли об этом. Извини.

Она наклоняется над стойкой и многозначительно добавляет:

– Ну, Генри. Выручи меня. Ты – презентабельный молодой человек. Черт, ты *библиотекарь*. Ты не струхнешь, когда тебя начнут спрашивать, кто твои родители и в какой колледж ты ходил.

– Если честно, как раз струхну. Я побегу сразу в женский туалет и сделаю себе хакири. И вообще, в чем дело? Даже если я им понравлюсь, они долгие годы будут изводить тебя вопросом: «А куда же подевался тот милый молодой библиотекарь, с которым ты встречалась?» А что будет, когда они встретят настоящего Рейфа?

– Думаю, об этом мне беспокоиться не придется. Да ладно тебе. Я тебе покажу в постели приемы «Три икс», о которых ты в жизни не слышал.

Я несколько месяцев отказывался встречаться с родителями Ингрид. Я отказался идти к ним завтра на рождественский обед. Ни за что не сделаю этого для Мии, которую едва знаю.

– Мия, в любой другой вечер в году... Слушай, сегодня моя цель – достичь такого уровня опьянения, при котором я едва буду стоять на ногах, и ничто другое у меня стоять точно не будет. Просто позвони родителям и скажи, что Рейфу миндалины вырезают или что-нибудь в этом роде.

Она идет на другой конец стойки, чтобы обслужить трех подозрительно молодых парней студенческого вида. Затем немного возится с бутылками, создавая что-то в высшей степени изысканное. Ставит передо мной высокий стакан.

– Вот. За счет заведения.

У напитка цвет клубничного сока.

– Что это?

Я отхлебываю. Вкус как у «Севен-ап».

Мия улыбается дьявольской улыбкой:

– Я это сама придумала. Хочешь улететь, это самый ранний рейс.

– О, спасибо, отлично. – Чокаюсь с ней, пью. Заливает волна жара и полного благополучия. – Боже, Мия, тебе надо это запатентовать. Ты могла бы по всему Чикаго маленькие палатки поставить и продавать это в пластиковых стаканчиках. Ты могла бы разбогатеть.

– Еще?

– Конечно.

Будучи подающим надежды младшим помощником «Общества вольных алкоголиков Детамбль и Детамбль», я еще не определил для себя максимально допустимый объем выпитого алкоголя. Еще несколько стаканов, и Мия пристально, с сомнением смотрит на меня через барную стойку.

– Генри?

– Да?

– Тебе хватит.

Возможно, мысль неплохая. Я пытаюсь кивнуть, соглашаясь с Мией, но вместо этого медленно, почти грациозно, сползаю на пол.

Гораздо позже просыпаюсь в больнице «Мерси». Мия сидит на моей постели. По всему лицу у нее растеклась тушь. Я подключен к капельнице и чувствую себя плохо. Очень плохо. Если честно, хуже не бывает. Поворачиваю голову, меня рвет в тазик. Мия протягивает руку и вытирает мне рот.

– Генри.

– Эй! Что за черт...

– Генри, мне так жаль...

– Ты не виновата. Что случилось?

– Ты вырубился, и я подсчитала... Сколько ты вешишь?

– Сто семьдесят пять фунтов.

– Господи. Ты ужинал?

– Да, – отвечаю я, поразмыслив.

– Ну, все равно, то, что ты пил, было сорок градусов крепости. И еще два виски... но ты держался молодцом, а потом вдруг ужасно захмелел и вырубился, и я прикинула и поняла, что у тебя в желудке было полно бухла. Я позвонила девять один один, и вот ты здесь.

– Спасибо. Наверное.

– Генри, ты что, смерти хочешь?

– Да, – подумав, отвечаю я, отворачиваюсь к стене и притворяюсь спящим.

8 апреля 1989 года, суббота

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.